

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архим. Арсений (Иващенко)

Несколько страниц из истории
христианства в Персии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1881. № 5-6. С. 596-666.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Нѣсколько страницъ изъ исторіи христіанства въ Персіи.

Христіанство въ странахъ древней Парсіи и Персіи по началу своему восходитъ ко временамъ апостольскимъ, и продолжается непрерывно до нашего времени. Но въ теченіе столькихъ вѣковъ оно никогда не было тамъ не только господствующею, а даже и вполне терпимою или равноправною религіею. Къ концу же пятого вѣка персидская церковь въ большинствѣ своихъ членовъ и съ католикосомъ во главѣ уклонилась отъ православія и отдѣлилась отъ общей церковной жизни, что неминуемо должно было самымъ вреднымъ образомъ отозваться на религіозной жизни персидскихъ христіанъ. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлю прослѣдить начальную исторію и состояніе христіанской церкви въ Парсіи и Персіи до отторженія ея отъ православія, и затѣмъ — представить историческія данныя о постепенномъ оскудѣваніи и исчезновеніи оставшейся тамъ православной общины.

Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ читаемъ (гл. II, ст. 9), что между свидѣтелями и самовидцами чуднаго дара языковъ по сошествіи Св. Духа на апостоловъ въ праздникъ Пятидесятницы находились *паряне, мидяне, еламиты и жители Месопотаміи*, то есть, евреи изъ сихъ странъ (нын. Гиліяна и Мазандерана, Ирака собственно и Ирака вплоть до Персидскаго залива). Скоро потомъ они услышали преновѣдъ евангельскую и въ собственной странѣ изъ устъ первыхъ благовѣстниковъ и самовидцевъ Слова. Привѣтствіе апостола Петра христіанамъ въ первомъ его посланіи отъ лица церкви въ Вавилонѣ ¹⁾ свидѣлствуетъ о посѣщеніи

¹⁾ Петр. V, 13: *привѣтствуетъ васъ избранная, подобно вамъ, церковь въ Вавилонѣ.*

ить древяго Вавилоня, и прибрѣтеніи нѣкоторыхъ душъ для церкви, хотя, можетъ быть, выраженіе *церковь въ Вавилонѣ* должно понимать такъ же, какъ подобныя въ посланіи ап. Павла къ римлянамъ, когда въ Римѣ не было еще епископа и пресвитеровъ, а находились вѣрующіе (Рим. XVI гл.). А что Вавилонъ еще не совсемъ запустѣлъ въ то время—видно изъ того, что тамъ отъ времени Салаеиля почти до конца перваго вѣка жительствоваши *βασιλευσάται* — князья плѣна, изъ потомства Давидова. И ап. Петръ легко могъ посѣтить эту мѣстность, которая пришла въ совершенное запустѣніе не раньше четвертаго вѣка (*Μαχαρίου Βασιλευσάτου* 'Αποκριτικός—Parisus, 1876—pag. 170). Изъ другихъ апостоловъ древнѣйшее преданіе (записанное въ третьей книгѣ Церковной исторіи Евсевія) указываетъ на апостола *Θому*, который проповѣдывалъ въ собственно такъ называемой Парееи, на пути чрезъ Афганистанъ въ Индію. По еще позднѣйшимъ извѣстіямъ (см. *Πορφυρία* первое путешествіе по Асону, ч. II, отд. 1, стр. 280—282), апостоль и евангелистъ *Ματθαι* проповѣдывалъ въ пареевскихъ и мидійскихъ городахъ Екбатанъ (нын. Гаттада), Раге (близъ нын. Тегерана) и Гекатомпилосъ (нын. Давеганъ); въ югозападной же части пареевскаго царства, то-есть въ Вавилоніи и Халдеѣ, послѣ апостола Петра благовѣствовало Евангеліе (по сказаніямъ несторіанскихъ писателей, см. *Le Quien Oriens Christ.* 11, 1077 et squ.) *Αχει* (Aches), ученикъ ап. Фаддея, основателя церкви въ Едессѣ. *Αχει* возвратился въ Едессу, но предоставилъ заботу о поддержаніи и распространеніи вѣры посвященному имъ во епископа *Μαριсу*, который утвердилъ свою кathedру въ Кохѣ, части города Селевкии, гдѣ и скончался и погребенъ въ 82 году по Р. Хр. Послѣ селевкийскаго древнѣйшаго кathedру считается касгарская (нын. Вазуть, въ сорока верстахъ отъ Багдада), куда первый епископъ поставленъ Марисомъ.

Безъ сомнѣнія, выражаясь словами церковнаго историка Евсевія о распространителяхъ христіанства послѣ апостоловъ, „много было и другихъ славныхъ мужей, находившихся въ первомъ ряду преемниковъ апостольскихъ. Какъ богоугодные ученики такихъ предшественниковъ, они продолжали созидать церкви на основаніяхъ,

положенныхъ всюду апостолами, болѣе и болѣе распространяли проповѣданіе и сѣяли сѣмена небеснаго царствія на пространствахъ всей вселенной. Многие и предпринимали путешествія и совершали дѣло благовѣстниковъ, съ ревностію возвѣщая Христа людямъ, вовсе еще не слыхавшимъ слова вѣры, и сообщая имъ книги божественныхъ Евангелій“ (Ист. 3, 37).) Если и неизвѣстны имена и дѣянія благовѣстниковъ, продолжателей апостольскаго служенія въ Парѣи и Персіи, все-таки успѣхи христіанства были таковы, что уже къ половинѣ втораго вѣка, кромѣ христіанъ въ пограничныхъ съ римскою имперіею провинціяхъ, находились вѣрующіе и внутри и на дальнѣйшихъ окраинахъ государства парейнскаго.

Вардесанъ, едесскій христіанинъ и современникъ христіанскаго владѣльца Едессы, Авгаря VI (152—187), въ сочиненіи ¹⁾ „О судьбѣ“, опровергая ученіе астролога Авиды о зависимости дѣлъ человѣка отъ вліянія звѣздъ, въ ряду другихъ примѣровъ ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ и на христіанъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ. Они, говоритъ, ни подчиняются худымъ законамъ и обычаямъ обрѣзающихъ ихъ народовъ, ни дѣлаютъ что-либо худое, воспрещенное ихъ Учителемъ, не смотря на принадлежность разнымъ климатамъ и племенамъ. Тогда какъ въ Британніи многіе мужья имѣютъ одну жену, а въ Парѣи многія жены одного мужа, іудеи во всѣхъ земляхъ держатся своихъ обычаевъ. А что сказать о христіанахъ? Живущіе въ Парѣи, хотя сами—парейане, не имѣютъ двухъ женъ; пребывающіе среди іудеевъ не обрѣзываются; наши сестры въ странахъ Теловъ (нын. Гіліяна)

(1) ¹⁾ Вардесанъ родился 154 года, ум. около 224. Сочиненіе «О судьбѣ» — подъ каковымъ заглавіемъ приводать его Евсевій (Церг. Ист. 4, 30. Pгаераг. Еванг. 6, 9) и Елифаній (haeres. 56), въ сирскомъ подлинникѣ называется «книгою о законахъ странъ»; издано въ нѣм. переводѣ Мерисомъ въ книгѣ *Vardeanes von Edessa, Halle, 1863*. Оно собственно не есть произведеніе Вардесана, а только передача однимъ изъ учениковъ его бесѣды Вардесана съ Авидою о судьбѣ, — ученикомъ, принимавшимъ участіе въ бесѣдѣ. Стоитъ замѣчанія, что въ этомъ сочиненіи мѣста Писанія приводятся по нѣм. сирскому переводу, чѣмъ доказывается раннѣйшее появленіе послѣдняго и нѣкоторымъ образомъ подтверждается сирское преданіе объ Ахетѣ, ученикѣ Фаддеи апостола, какъ его первоначальникѣ или по крайней мѣрѣ совершителѣ, передавшемъ этотъ переводъ основаннымъ имъ церквамъ.

† Кашановъ (въ Бактріи) не предаются связямъ съ слугами и чужестранцами; персы, оставаясь персами, не женятся на своихъ дочеряхъ, и живущіе въ Мидіи не бѣжаты отъ своихъ мертвецовъ, ни погребаютъ ихъ еще заживо, или не бросаютъ на сѣдленіе собакамъ. Законы странъ не отвращаютъ ихъ отъ закона Христова и опредѣленія начальствующихъ не заставляютъ ихъ предаваться нечистотѣ (Mergx Bardesanes von Edessa—Halle, 1863, стр. 54).

6. Христіанскія общины въ парянскомъ царствѣ на первыхъ порахъ вѣроятно не состояли въ крѣпкой іерархической связи между собою, но, опять, съ равнаго же времени епископская кафедра въ Селевкіи—Ктезифонѣ приобрѣла выдающееся значеніе, и епископы селевкійскіе сдѣлались первенствующими подобно римскимъ, антиохійскимъ, александрійскимъ и кароагенскимъ въ римской имперіи. Съ одной стороны самое политическое и общественное значеніе города возвышало достоинство кафедры; съ другой стороны преимущественная здѣсь память о дѣйствованіи ап. Петра и перваго епископа Мариса, а также сравнительная многочисленность христіанъ и образованность клира, могли способствовать тому. Неизвѣстныя же въ точности первоначальныя связи съ антиохійскимъ престоломъ были поводомъ, что епископы селевкійскіе послѣ Мариса ходили для посвященія въ Антиохію. Позднѣйшіе несторіанскіе писатели говорятъ, что это продолжалось до половины третьяго вѣка, а съ того времени прекратилось по слѣдующей причинѣ. Когда по смерти епископа Іакова посвященъ былъ ему преемникъ, Агадъ, въ Антиохіи, то на антиохійскаго епископа Димитрія (260—263) пало со стороны римскаго намѣстника подозрѣніе въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ врагами имперіи, и Агадъ едва спасся бѣгствомъ. Для избѣжанія подозрѣній на будущее время соборъ епископовъ антиохійскаго округа позволилъ селевкійскому епископу посвящаться у своихъ, дома, и управлять отдаленнѣйшими церквами востока на правахъ экзарха антиохійскаго престола, съ титуломъ католикоса ¹⁾. Можетъ быть, титулъ католикоса —

¹⁾ Изъ греческихъ историковъ Прокопій первыи упоминаетъ о такомъ же титулѣ первенствующаго епископа Арменіи, пояснивъ это греч. названіе тѣмъ,

позднѣйшаго происхожденія, но современникъ 1-го вселенскаго собора (325) епископъ селевкійско-ктезифонскій *Симеонъ* называется у греческихъ историковъ (Созомена и Сократа) архіепископомъ — конечно въ смыслѣ первенствующаго въ Персіи епископа. А что и послѣ сего первенствующій епископъ персидскихъ странъ не былъ еще вполне самостоятельнымъ и подчинялся антиохійскому патриарху, увидимъ дальше.

(1) Болѣе двухъ вѣковъ христіанство мирно существовало и распространялось въ Персіи, не подвергаясь гоненіямъ, и этому способствовали слѣдующія обстоятельства. При государяхъ изъ династіи Арзакидовъ имѣла мѣсто полная вѣротерпимость; древняя Зороастрова (огнепоклонническая) религія находилась въ совершенномъ упадкѣ, такъ какъ въ ней насчитывали до семидесяти сектъ; греческое многобожіе, занесенное и поддерживаемое греческими поселенцами со временъ Александра Македонскаго, пользовалось даже нѣкоторымъ поощреніемъ со стороны Арзакидовъ, которые въ надписяхъ и на монетахъ любили называть себя филеллинами. Въ земляхъ древней Ассиріи, Вавилоніи и въ многочисленныхъ сирско-семитскихъ поселеніяхъ внутри пароянскаго царства продолжали свое бытіе національныя божества вмѣстѣ съ сирскими языкомъ ¹). Наконецъ, все царство пароянское состояло изъ болѣе или менѣе обширныхъ феодальныхъ или удѣльныхъ владѣній (подобно средневѣковой германско-римской имперіи), и частью автономныхъ городскихъ общинъ греческо-сирскаго происхожденія. Все это обуславливало свободу религій въ пароянскихъ земляхъ, а частію — къ христіанской правительству относилось тѣмъ болѣе снисходительно, что она была гонима въ римской имперіи, сосѣдной и всегда враждебной (Gibbon, Histoire de la decadence l'empire romain, tom. II, chap. VIII—Paris, 1788), да и распростра-

что онъ одинъ управляетъ церковными дѣлами всего царства (De bello Persico, 2, 24)—тогда какъ въ рим. имперіи было нѣсколько церковныхъ округовъ. (1) Сирскій языкъ всегда оставался однимъ изъ официальныхъ языковъ царства пароянъ и персовъ, и даже во все продолженіе среднихъ вѣковъ не терять международнаго значенія въ странахъ отъ Тигра и Евфрата до Индіи и Китая. Quatremere, Observations historiques sur la langue et l'écriture syriaques (Journal Asiatique 1835, Mars).

на первых порахъ не между собственно парсами и персами, племенами господствующими, а между семитами и сирійцами, племенами покоренными, торговыми и промышленными, но въ политической жизни государства принимавшими развѣ слабое участіе. Распространенію и внутреннему процвѣтанію персидской церкви способствовала посему преимущественно единоплеменность персидскихъ христіанъ съ сирскими и арабскими христіанами, подданными римской имперіи; они легко и естественно, іерархически чрезъ Антихію и тѣсными житейскими связями чрезъ Едессу, могли принимать участіе во всѣхъ благахъ, протекавшихъ отъ общенія съ греческою и всею вселенскою церковію. Уже съ конца перваго или начала втораго вѣка они имѣли священное Писаніе и богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ; при посредствѣ національныхъ языка, литературы и богослуженія христіанскія идеи быстро начали проникать въ народную жизнь, и разрушать старые предразсудки и суевѣрія нелѣпныхъ вымысловъ и учрежденій язычества.

Даже и въ первыя сто лѣтъ владычества Сассанидовъ, низвергшихъ пароянскую династію и возстановившихъ господство Зоорострова вѣроученія, не встрѣчаемъ извѣстій или воспоминаній о гоненіяхъ на христіанъ со стороны персидскихъ властей, хотя дошли извѣстія о персидскихъ страдальцахъ за вѣру отъ римскаго правительства во время войнъ при императорахъ Гордіанѣ и Филиппѣ. Таковы святые *Помпхроній*, епископъ какой-то мѣстности въ Вавилоніи, *Парменъ*, *Гелма* и *Хрисотель* пресвитеры, *Лука* и *Муко* діаконы. Акты о сихъ мученикахъ дошли въ нѣсколько искаженномъ видѣ; вмѣстѣ съ учеными изслѣдователями въ Acta sanctorum (Julii VII, 130 etsqu.) приходится удовлетворяться общимъ выводомъ, что пострадали они отъ римскаго военачальника *Декія*, въслѣдствіи императора, около 243—245-го года. Затѣмъ есть извѣстіе, что Декій, уже бывши императоромъ, велѣлъ обезглавить въ Римѣ двухъ персидскихъ князей (subregulos), *Аводна* и *Сенниса*, можетъ быть плѣнныхъ, за усердіе къ христіанской вѣрѣ (ibid. pag. 133). Въ царствованіе же Клавдія 2-го (268—269) приходилъ въ Римъ изъ Персіи князь *Маринъ* (ж. б. Марисъ) съ женою Марою и двумя сыновьями „поклониться

гробамъ святыхъ апостоловъ⁴ и такъ же претерпѣлъ мученическую кончину за имя Христово (см. Четъ-Мин. 6-го іюля). Последнее извѣстіе можетъ служить свидѣтельствомъ о раннихъ богомольныхъ странствованіяхъ изъ Персіи въ западныя земли.

Мирному отношенію персидскаго правительства къ христіанамъ не помѣшало и появленіе манихейской секты, которая навлекла на себя жестока преслѣдованія. Манесъ, основатель ея, меньше принималъ къ христіанскому ученію, чѣмъ къ вѣрованіямъ маговъ, буддистовъ и астрологическимъ бреднямъ народнаго суевѣрія; притязаніе же на политическое преобладаніе, въ связи съ попыткою привлечь на свою сторону членовъ царскаго дома, довело ересначальника до позорной смерти; ибо царь Веграмъ велѣлъ казнить его (276 года). За нѣсколько времени предъ тѣмъ Манесъ пытался утвердить свое лжеученіе и между христіанами епископіи касгарской; но послѣ устнаго состязанія съ тамошнимъ епископомъ Археласемъ вынужденъ былъ искать другаго поприща для своей дѣятельности (Flügel Mani, seine Lehre und seine Schriften, seit. 5—25. Leipzig, 1862).

Въ продолженіе всего конца третьяго и начала четвертаго вѣка не видно переменъ отношеній правительства къ христіанамъ; жестока гоненія на послѣднихъ въ римской имперіи могли даже обезпечивать для нихъ спокойное убѣжище и пребываніе въ Персіи. Перемена наступила уже тогда, когда Константинъ Великій объявилъ христіанскую вѣру не только равноправною, но и господствующею въ имперіи; съ этого времени въ Персіи умѣренность и терпимость относительно исповѣдующихъ христіанство начали уступать мѣсто подозрительности и ненависти, выродившимся наконецъ въ кровавыя преслѣдованія.

Когда по приглашенію императора Константина собирались епископы въ Никее на вселенскій соборъ, то изъ персидскихъ областей явились Іоаннъ, епископъ персидскій, и Шіадустъ, пресвитерь Сямеона, архіепископа севастійскаго. По словамъ восточныхъ писателей, Сямеонъ чрезъ Шіадуста писалъ собору: „Еслибы не язычники, которые жаждутъ нашей крови, то я съ великою охотою пришелъ бы, чтобъ получить благословеніе отъ

священнаго собора и вашего побѣдоноснаго императора. Но все, что опредѣлитъ соборъ епископовъ, сохраняющихъ истинную вѣру, съ радостію приму и я". Все же, не смотря на боязнь заподозрить себя личнымъ присутствіемъ на соборѣ, Симеонъ имѣлъ тамъ уполномоченныхъ отъ своей церкви.

Въ это время шла борьба персовъ съ арабами за преобладаніе въ земляхъ на лѣвомъ побережьи Персидскаго залива, которая окончилась побѣдами царя Сапора 2-го и опустошеніемъ южныхъ частей Аравіи въ 327 году. Къ сему же году относится и первое документальное извѣстіе о кровавомъ преслѣдованіи христіанъ, хотя это преслѣдованіе было по всей вѣроятности мѣстное, зависѣвшее не отъ верховнаго правительства непосредственно, а отъ фанатизма мѣстныхъ властей и жителей, какъ подобное случалось и въ римской имперіи. Говорится, что два монаха ¹⁾ изъ Адіабенн, Іона и Варахисій, узнавши о жестокомъ преслѣдованіи христіанъ въ г. Губахъ, которыхъ заставляли кланяться огню и солнцу, отправились туда и застали тамъ многихъ въ темницѣ. Найдя къ нимъ доступъ, они утѣшали, ободряли и поучали ихъ; девять изъ заключенныхъ, подкрѣпленные пришельцами, предпочли смерть измѣнѣ вѣры, а остальные изъ страха смерти уступили требованіямъ огнепоклонниковъ. Казнь мучениковъ послѣдовала 27 декабря 327. Но теперь и сами Іона и Варахисій были схвачены, какъ хульники боговъ, и послѣ жестокихъ пытокъ умерщвлены 29 декабря.

Вѣроятно, сохранившееся письмо императора Константина къ царю Сапору писано ²⁾ главнымъ образомъ по поводу тревожнаго состоянія христіанъ въ Персіи, въ которыхъ теперь императоръ

¹⁾ Начало монашеской жизни въ Сиріи и сопредѣльной Персіи положилъ нѣкто Аонъ (Евгеній), о комъ *Созоменъ* въ Ист. 6, 33; а въ 34 главѣ такъ говоритъ о дѣятельности монаховъ въ распространеніи вѣры: «къ своему богопочтенію они привели почти всѣхъ сирійцевъ и весьма многихъ изъ персовъ и сарацинъ, такъ что успѣхи язычества у этихъ народовъ оствновились... Большая часть ихъ жила общинами по городамъ и селамъ».

²⁾ *Теодоритъ* въ своей Церк. Исторіи 1, 24: «О питомцахъ благочестія въ Персіи заботился онъ безъ всякаго внѣшняго побужденія; ибо узнавъ, что преслѣдуютъ ихъ невѣрные, и что преданный заблужденію персидскій царь устрояетъ имъ всякаго рода козни, онъ писалъ ему и убѣждалъ его обратиться къ благочестію, а благочестивыхъ удостоить чести».

принималъ участіе, какъ въ своихъ единовѣрцахъ, хотя къ сему могло примѣшиваться и нѣчто другое. Именно, воспользовавшись прибытіемъ посольства изъ Персіи, онъ счелъ приличнымъ и даже необходимымъ увѣдомить персидскаго царя о причинахъ пріятія имъ новой вѣры, что безъ сомнѣнія хорошо было извѣстно при дворѣ персидскомъ и вѣроатно возбуждало разные толки; а при этомъ естественно было объяснить и свое участіе къ персидскимъ христіанамъ. Письмо такого содержанія.

«Соблюдая божественную вѣру, я приобщаюсь свѣту истины, а руководясь свѣтомъ истины, познаю божественную вѣру. Вотъ способы, которыми я держусь святѣйшаго богопочтенія, и исповѣдую, что это служеніе руководить къ познанію всесвятаго Бога. Вспомоществуемый силою сего Бога, я началъ отъ предѣловъ океана и мало по малу одушевилъ твердою надеждою спасенія всю вселенную, такъ что всѣ провинціи, отъ порабощенія столь многими тиранамъ и отъ стenanія подъ бременемъ ежедневныхъ бѣдствій почти исчезавшія, поступивъ подъ эту защиту, какъ бы ожили и испѣлились, будто какимъ врачевствомъ. Сего то Бога я чту; Его знаменіе носить на раменахъ своихъ посвященное Богу мое войско, и съ нимъ устремляется всюду, куда призываетъ справедливость, получая въ награду за это блистательные трофеи. Открыто признаю, что сего Бога я непрестанно содержу въ памяти, сего въ вышнихъ живущаго Бога прославляю ясною и чистою мыслию. Его призываю съ колѣнопреклоненіемъ, гнушаясь всякою нечистою кровію, неприятными и отвратительными куреніями и уклоняясь отъ всякаго земнаго сіянія, чѣмъ нечестивый и тайный обманъ низвергъ въ преисподнюю многіе народы и поколѣнія; потому что Богъ всяческихъ не хочетъ, чтобы сотворенное Имъ для всеобщей пользы употреблялось людьми на удовлетвореніе страстей. Онъ требуетъ отъ людей только чистой мысли и незапятнанной души, и только этимъ взвѣшиваетъ дѣла благочестія. Онъ услаждается дѣлами милосердія и снисходительности, любитъ кроткихъ, а житежныхъ ненавидитъ, любитъ вѣрность, а невѣрность накажетъ, разрушаетъ всякую надменную власть и казнитъ превозношеніе тщеславныхъ, напыщенныхъ гордостію низвергаетъ съ высоты, а смиренныхъ и незлобивыхъ воздастъ по достоинству. Посему то, высоко цѣня и справедливое царствованіе, Онъ укрѣпляетъ его своею помощію и царственную мудрость охраняетъ тишиною мира. Не думаю, братъ мой, чтобы я заблуждался, призывая сего Бога началовождемъ и отцомъ всего. Многіе изъ правившихъ имперію до насъ, увлекшись буйными и превратными помыслами, отвергали Его; но всѣхъ ихъ въ наказаніе постигъ такой конецъ, что цѣлое поколѣніе слѣдовавшихъ за ними людей подражателямъ

подобной жизни указываетъ на ихъ бѣдствія, какъ на примѣръ. Однимъ изъ нихъ, по моему мнѣнію, былъ и тотъ, котораго Божій гнѣвъ, подобно молніи, изгналъ отсюда и предалъ вашей странѣ, гдѣ онъ къ стыду своему сдѣлался столь знаменитымъ у васъ трофеемъ¹⁾. И въ наше время подобныя люди были явно наказываемы; я самъ видѣлъ гибель тѣхъ, которые недавно незаконными распоряженіями мучиди преданный Богу народъ. Да будетъ же великое благодареніе Богу, что нынѣ Его промисленіемъ всѣ народы имперіи, благодѣтельствуемые законамъ Его, наслаждаются возвращеннымъ ихъ миромъ. Твердо увѣренъ, что все находится въ самомъ лучшемъ положеніи, когда всѣ будутъ прибѣгать къ тому Богу и хранить единомысліе въ предметахъ божественныхъ. Посему можешь представить себѣ, съ какою радостію услышалъ я о многочисленности людей, къ пользѣ которыхъ клонится мое слово, разумію христіанъ, и которыми украшаются лучшія страны Персіи. Да будетъ же и имъ столь хорошо, сколь хорошо тебѣ; да наслаждаются они благополучіемъ, какъ и ты! За это Господь всяческихъ удостоитъ тебя снисхожденія, милости и благоволенія. Итакъ я поручаю ихъ тебѣ, какъ государю великому, и вѣрваю ихъ извѣстному твоему благочестію; люби ихъ согласно съ твоимъ человѣколюбіемъ. Такою вѣрою ты и себѣ и намъ доставишь неописанное благодѣяніе».

Письмо римскаго императора можетъ быть на первыхъ порахъ и повліяло благопріятнымъ для христіанъ образомъ; но уже самое единовѣріе и сосѣдство персидскихъ христіанъ съ христіанскою державою могли давать поводъ къ недоразумѣніямъ, а въ связи съ враждебными политическими отношеніями и къ гоненіямъ. Какъ бы то ни было, до самаго 343 года не встрѣчаемъ правительственнаго гнета на христіанъ, а съ сего времени во все продолжительное царствованіе Сапора были три гоненія, съ значительными промежутками. Первое продолжалось семь лѣтъ (343—350), второе четыре года (358 — 362), и третіе около трехъ лѣтъ (378—381).

Усиленіе христіанства въ персидскомъ государствѣ не могло не обращать на себя вниманія правительства: христіанство коренилось въ лучшихъ провинціяхъ (по Тигру и Евфрату), колебало древнюю вѣру огнепоклонниковъ и вводило персидскихъ подданныхъ въ тѣс-

¹⁾ Говорится о Валеріанѣ императорѣ, попавшемъ въ плѣнъ и умершемъ въ Персіи 260 года.

ное религиозное общеніе съ римлянами и армянами, непрестанно враждовавшими съ Персією. И вотъ умноженіе христіанъ въ Персидѣ подвигло маговъ на гнѣвъ и ярость, а евреи, всегдашніе недоброжелатели христіанъ, прищѣтивши настроеніе маговъ, съ свойственною имъ ловкостію начали возбуждать противъ нихъ общественное мнѣніе. Со стороны римскаго правительства нельзя было опасаться заступничества; тамъ царствовали три сына Константина Великаго, не отличавшіеся силою духа и мудростію правленія. И вотъ царь Сапоръ рѣшился на первый разъ ограничить гражданскія права христіанъ и наложилъ на нихъ дани тяжкія и неудобносымныя, а сборщиками даней приставилъ людей суровыхъ (вѣроятно жидамъ-же отдалъ на откупъ). Неожиданное лишеніе общихъ гражданскихъ правъ имѣло цѣлью побудить ¹⁾ христіанъ отречься своей вѣры, какъ ведущей къ униженію въ обществѣ; христіане становились не гражданами, а рабами и невольниками. Лишнія противъ иныхъ соотчичей подати, притомъ тяжкія и невыносимыя, влекли за собою обиды, взысканія, продажу имущества. Симеонъ, какъ первенствующій епископъ и представитель церкви, не могъ оставаться безучастнымъ къ судьбѣ насомыхъ и взялъ на себя письменно обратитъ вниманіе царя на несправедливое отношеніе къ христіанамъ и незаконныя требованія, а царь жилъ тогда въ Ледѣ, замкѣ близъ Сузы. Письмо такого содержанія:

«Христосъ искупилъ церковь Свою смертію Своею, кровію Своею извелъ людей въ свободу и, снявши съ вый нашихъ иго рабства, облегчилъ насъ отъ тяжкаго бремени. И пообѣщавъ намъ свѣтлыя награды въ будущемъ вѣкѣ, Онъ укрѣпилъ упованія наши, потому что власть Его вѣчна и никогда не прекратится. И такъ какъ Христосъ есть Царь царей, мы положили не допускать на себя ига, которое вы задумали возложить на насъ. Богъ да отвратитъ насъ отъ такого преступленія и предпочтенія рабства существамъ смертнымъ свободѣ, дарованной намъ. Господь, которому мы повинемся и покоряемся, есть Творецъ и Правитель вашего начальствованія, но несправедливаго господства сорабовъ нашихъ мы не

¹⁾ Созоменъ въ Церк. Ист. II, 9: «Сапоръ сперва обременилъ христіанъ немнѣренными податями, зная, что многіе изъ нихъ нелюбостыжательны, и собирая податей поручилъ людямъ грубымъ, чтобы недостаткомъ въ деньгахъ и жестокостію сборщиковъ христіане вынуждались оставить свою вѣру, чего оны сильно домогались».

терпимъ. и такъ какъ Богъ нашъ есть Создатель и Устроитель того, что вы почитаете за божество, мы считаемъ дѣломъ нечестивымъ и непотребнымъ сотворенныя Имъ вещи и намъ равныя равнять съ Богомъ. Кромя того вы требуете отъ насъ золота, а у насъ не достаетъ для того ни золота, ни имѣній, и Господь воспретилъ намъ копить золото и сребро, и апостолъ Его заповѣдалъ: вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ» (1 Кор. VII, 23).

Царь съ крайнимъ негодованіемъ принявъ заявленіе епископа и чрезъ нарочнаго вѣстника велѣлъ сказать ему: „До того-ли обезумѣлъ ты, что своею дерзостію подвергаешь опасности жизнь свою и единовѣрцевъ своихъ, и навлекаешь смерть на себя и своихъ? Потому что въ своей гордости и безумной притязательности ты возмущаешь народъ свой противъ меня. Я разрушу этотъ умъ, искореню эту язву, истреблю васъ отъ общества человѣческаго и изглажу имя ваше изъ памяти людской“. На угрозу царя послѣдовалъ такой отвѣтъ: „Я желаю лучше умереть, чѣмъ предать своихъ на рабство; да и нѣтъ пользы въ жизни, если нельзя жить безъ преступленія. А что грозить гибелью единовѣрцамъ моимъ, то вина въ ихъ бѣдствіяхъ падетъ не на меня, а на царя“. Раздраженіе царя не знало предѣловъ и поддерживалось приближенными; маги винили Симеона въ неуваженіи къ богамъ персидскимъ, а евреи распространяли слухъ, что онъ благопріятствуетъ больше римскому императору, чѣмъ своему государю. „Если ты, государь“ — говорили клеветники — „шлешь грамоты къ императору, то какъ-бы онъ ни были разумны и почтительны, или подарки цѣнны, онъ ихъ мало цѣнить и почти за ничто считаетъ, а когда императору случится получить отъ Симеона и маленькое письмецо, даже почти обрывокъ письма, тотчасъ встаетъ, оказываетъ уваженіе ничтожной грамотѣ и повелѣваетъ исполнять то, что въ ней означено“. Тогда, подъ вліяніемъ собственнаго гнѣва и постороннихъ внушеній, царь издалъ указъ немедленно брать подъ стражу епископовъ, священниковъ и діаконовъ, храмы христіанскіе раззорять, имущества конфисковать, а „Симеона, главу вредныхъ людей, презрителя царской моей власти, повинующагося императору, почитающаго только его Бога, а моимъ пренебрегающаго“, представить себѣ лично для допроса.

Вслѣдствіе сего маги, при содѣйствіи евреевъ, усердно разрушали молитвенные дома христіанъ, а Симеонъ отправленъ въ оковахъ къ царю. Съ нимъ, такъ же въ оковахъ, ведены были два старика священника (изъ двѣнадцати, бывшихъ въ Ктезифонѣ—Селевкии), Авделай и Ананія. Когда солдаты при отправленіи направлялись по той части города, гдѣ находилась построенная Симеономъ церковь, за нѣсколько дней предъ тѣмъ обращенная въ еврейскую синагогу, то Симеонъ просилъ избавить его отъ необходимости видѣть ее и просьба была уважена.

Симеонъ, приведенный къ царю подъ стражею, не поклонился ему. Царь былъ сильно разгнѣванъ этимъ и сказалъ: „Теперь собственными очами увѣряюсь въ справедливости слуховъ о тебѣ. Почему не хочешь кланяться мнѣ, тогда какъ прежде кланялся?“ Симеонъ: „потому что меня прежде не вводили къ тебѣ узникомъ для отреченія отъ истиннаго Бога, какъ теперь, и я, нисколько не сомнѣваясь, исполнялъ подобающее царскому достоинству; теперь же непристойно дѣлать это, потому что я иду страдать за благочестіе и наше ученіе“. Окружавшіе царя маги сказали ему, что Симеонъ долженъ быть казненъ, какъ заговорщикъ и противникъ царской воли. Симеонъ замѣтилъ, что они, оставивши Бога и разоряя государство, желаютъ и христіанъ увлечь къ своему непогрѣбству. Царь прервалъ его слова требованіемъ—поклониться солнцу. Симеонъ: „если я не боготворю тебя, который выше солнца, потому что имѣешь жизнь и разумъ, то какъ стану кланяться существу бездушному и неразумному?“—Наконецъ царь велѣлъ заключить его въ тюрьму до слѣдующаго дня, надѣясь, что онъ пережънитъ свой образъ мыслей.

У воротъ дворца сидѣлъ старый евнухъ, воспитатель царя и теперь смотритель царскаго дома, бывшій прежде христіаниномъ, но изъ-за сохраненія своего высокаго положенія при дворѣ перешедшій въ язычество. Имя ему—Усоазадъ. Когда мимо его проводили Симеона, онъ палъ на колѣни изъ уваженія къ исповѣднику; но Симеонъ прошелъ молча, отворотивъ отъ него лицо свое. При этомъ въ евнухѣ такъ живо пробудилось чувство виновности въ отступничествѣ, что безъ дальнѣйшаго размышленія онъ

вспѣшилъ въ домъ свой, перемѣнилъ свою драгоценную должно-
стную одежду на траурную и сѣлъ опять на свое мѣсто у дюрца.
Это возбудило говоръ и удивленіе; самъ царь велѣлъ позвать его
и спросилъ: „Отъ чего это переодѣваніе? Къ чему ты облекся въ
темную и черную одежду, когда я еще живъ и ношу вѣнецъ
на головѣ? Умеръ-ли у тебя кто изъ твоихъ сыновъ, или предъ
тобою бездыханное тѣло супруги, и о ней-то горюешь ты?“ Царь
получилъ неожиданный отвѣтъ и не понялъ, такъ какъ Ус-
савадъ объявилъ себя повиннымъ смерти. Посему удивленный
царь сказалъ: „не овладѣлъ-ли тобою злой духъ, что ты гово-
ришь такія глупости въ моемъ присутствіи?“ Евнухъ: „нѣтъ; я
старикъ, съ разумъніемъ и сознаниемъ. Я поступилъ такъ потому,
что виноватъ и предъ Богомъ, и предъ тобою. Я солгалъ Богу
и отпалъ отъ Его истиннаго ученія, и исполнилъ волю твою. Я
и тебя обманулъ и только виѣшнимъ образомъ, а не отъ сердца,
кляняся солнцу“. Тогда царь назвалъ его обезумѣвшимъ стари-
комъ и грозилъ казнью, если не отстанетъ отъ своего соблазни-
тельнаго убѣжденія. Но старецъ объявилъ, что онъ христіанинъ и
никогда больше въ угоду обманчивымъ людямъ не отринется отъ
истиннаго Бога. Все-таки царь желалъ сохранить ему жизнь за
вѣрную службу ему и его отцу и кротостію довести его до пе-
ремѣны мыслей; но когда евнухъ повторилъ, что ни за что не
станетъ „клясться твари и презирать Творца“, то велѣлъ тот-
часъ обезглавить его. Уссавадъ просилъ единственной милости —
обнародовать, что онъ осуждается не за иное какое-нибудь пре-
ступленіе, а только за непреклонность въ своей вѣрѣ, на что царь
и согласился. Смерть мученика послѣдовала въ тотъ-же день, въ
пятокъ страстной седмицы, 15 апрѣля.

Симеонъ былъ извѣщенъ объ этомъ въ темницѣ, радовался объ
обращеніи и славѣ евнуха и молилъ Бога укрѣпить его самого до конца.
Въ третьемъ часу слѣдующаго дня онъ вновь былъ представленъ
царю. И на сей разъ отказался онъ преклониться предъ царемъ.
Сапоръ, назвавши его возмутителемъ, потребовалъ прямого объяв-
ленія: желаетъ-ли онъ воспользоваться его снисхожденіемъ и со-
гласиться на требованіе, или предпочитаетъ смерть? Симеонъ отвѣ-

чалъ, что вражду его предпочитаетъ его милостямъ. Не смотря на это, царь все еще пытался переубѣдить его и совѣтовалъ одинъ только разъ поклониться солнцу и затѣмъ никогда болѣе. Симеонъ съ презрѣшемъ отвергъ убѣжденіе, и царь, обратясь къ окружающимъ и указывая на Симеона, сказалъ: „видѣлъ я разные народы, далекія земли и все мои владѣнія, но не встрѣчалъ болѣе пріятнаго и благороднаго лица. Разсудите, не слѣдуетъ-ли мнѣ пощадить его жизнь, не смотря на его заблужденія?“ Въ этихъ словахъ можно усматривать порывъ благородства души царя, который чувствовалъ жестокость и несправедливость всего дѣла, но не могъ открыто обнаружить это предъ тѣми, которые думали только объ уничтоженіи христіанства. Посему, едва царь окончилъ свою рѣчь, послѣдовало единогласное осужденіе епископа на смерть отъ меча.

Въ одно почти время съ Симеономъ были схвачены въ разныхъ мѣстахъ многіе изъ высшаго и низшаго духовенства, какъ возмутители народа, виновные въ отказѣ христіанъ уплачивать дополнительные налоги; осужденные, они представлены въ Леду для совмѣстной съ Симеономъ казни. Въ числѣ ихъ находилось пять епископовъ, а всѣхъ до ста. И здѣсь отъ нихъ требовали поклоненія солнцу, но они прямо объявили главѣ маговъ, предсѣдательствовавшему на судѣ: „солнцу мы не кланяемся и совѣту твоему не повинуемся. Исполниай, что приказано тебѣ, гнусный врагъ народа нашего“. Въстѣ съ Симеономъ они были приведены на мѣсто казни и какъ царь все еще надѣялся преклонить Симеона, то и велѣлъ осужденныхъ казнить поодиночѣмъ предъ глазами его. Но мужество исповѣдника не поколебалось; спокойно стоялъ онъ предъ тѣми, которые еще ожидали отъ него слова утѣшенія и ободренія, и говорилъ имъ: „Братья мои по Богу, будьте мужественны и не страшитесь... Умерщвленъ былъ нашъ Господь, но Онъ живъ, и ваша смерть содѣлается жизнію съ Нимъ“—и, приведши имъ на память мѣста Писанія Мк. X, 28. 39; Іоан. XV, 13; 2 Тим. II, 8. 11, заключилъ рѣчь словами: „наша любовь, а Его воздаяніе; нашъ трудъ, а у Него награда; наши страданія, а у Него воскресеніе; наша кровь, а Его цар-

тво. Упокоеніе и жизнь, утѣшеніе и блаженство подастъ Онъ вамъ, воззвавши громко: придите, вѣрные рабы, войдите въ радость Господа вашего; вы вѣрно воспользовались однимъ талантомъ; возьмите въ награду десять“ (Мѡ. XXV). По совершеніи казни надъ прочими, дошла очередь до Симеона и его двухъ священниковъ. Ананія сталъ дрожать при снятіи одежды. Примѣтивъ это стоявшій въ толпѣ начальникъ придворныхъ художниковъ Фузикъ и, приблизясь, ободрилъ его словами: „не бойся, Ананія; зажмурь на краткое время глаза свои и потомъ увидишь славу Христову“. Эти слова сами собою указывали въ произнесень ихъ на христіанина. Царь, извѣщенный о поступкѣ его, порубовалъ его къ себѣ и выговаривалъ тѣмъ суровѣе, что именно этотъ день ему поручены были дѣла, имѣвшія занять все его время; притомъ же недавно только онъ возвышенъ былъ въ свой санъ. На упреки царя Фузикъ отвѣчалъ: „Дѣло мое освящено къ казнию, и смертію ихъ дана мнѣ жизнь. Я слагаю достоинство, которое ты далъ мнѣ, и открыто говорю, что все моя радость—въ мученіяхъ и смерти, которыя ты имъ приготовилъ“. И какъ царь представлялся непонявшимъ сихъ словъ, то Фузикъ прибавилъ о себѣ, что онъ христіанинъ и честь умереть за Христа предпочитаетъ всѣмъ почестямъ отъ царя. Разгнѣванный царь тотчасъ велѣлъ казнить его; ему вырвали языкъ и пронзили мечемъ затылокъ. Это было въ тотъ-же день, когда пострадали Симеонъ и другіе, то есть 14 апрѣля 344 года.

Въ этотъ-же день Сапоръ издалъ указъ о всеобщемъ преслѣдованіи христіанъ на всемъ пространствѣ государства, и такъ какъ умы народа уже были подготовлены къ сему, да и ревность христіанъ усилилась, такъ что многіе добровольно отдавались въ руки палачей, то и случилось, что въ первые-же десять дней по кончинѣ Симеона въ царской резиденціи и окрестностяхъ избито христіанъ до шестнадцати тысячъ безъ всякаго судебного разбирательства; маги и жрецы старательно разыскивали укрывавшихся, извлекали изъ домовъ и мѣстъ потаенныхъ и умерщвляли. Казни слѣдовали одна за другою такъ быстро, что именъ казнимыхъ не спрашивали, мечи притуплялись и руки палачей отбазывались слу-

жить. Тогда и многие изъ служившихъ въ палатахъ царскихъ убиты, а съ ними и Азадъ евнухъ, весьма любимый царемъ. Когда узналъ объ этомъ царь, то велѣлъ остановить такое истребленіе народа безъ суда и слѣдствія, а разыскивать и предавать суду только вождей и учителей вѣры христіанской, то есть преимущественно епископовъ и священниковъ.

Что одновременно съ тѣмъ не были щадимы и посвятившія себя Богу дѣвцы, особенно тѣ изъ нихъ, которыя отличались учительностію (ибо на нихъ лежали обязанности обученія дѣвочекъ) или близкимъ родствомъ съ мучениками, на то имѣемъ два примѣра. Дочь помянутого выше Фузика представлена была на судъ и, какъ твердо отказалась воздать божескую почесть солнцу, была обнажена, жестоко бичевана, палима горящими факелами, затѣмъ повѣшена, желѣзными крючьями изъязвлена по всему тѣлу и наконецъ обезглавлена. Сестра Симеона, Тарба, съ другою сестрою своею, вдовою Фервуею, и ея рабынею пострадали, около года спустя при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Случайно заболѣла царица, и пронирливые евреи, уже такъ заявившіе себя въ дѣлѣ Симеона, распустили при дворѣ слухъ, что царица заболѣла вслѣдствіе чаръ Тарбы, желающей на семействѣ царскомъ отмстить смерть брата (Созом. Ист. Церк. XI, 12). Царь поручилъ главѣ маговъ съ двумя изъ своихъ подчиненныхъ произвести дознание надъ обвиняемыми, и такъ какъ послѣднія пребыли непреклонными въ своей вѣрѣ и цѣломудріи, то и были осуждены на смерть за чародѣйство и отраву. Но царь не согласился съ мнѣніемъ судей, потому что сомнѣвался въ ихъ виновности, и велѣлъ освободить ихъ, если только поклонятся солнцу. Мужественныя христіанки отвергли предложенія царя, и магамъ предоставлено избрать для нихъ родъ казни. И маги по связи съ обвиненіемъ присудили тѣла ихъ разсѣчь на двѣ равныя части, между коими образовать пространство для прохода царицы съ цѣлю выздоровленія послѣдней. И четвертаго апрѣля 345 года совершилась казнь мученицъ. Именно, за городомъ были поставлены для каждой два кола, изъ коихъ къ одному привязали каждую за голову, а къ другому за ноги, и пилою перенилизи ихъ на двое.

Какъ св. мученики скончались 4 апрѣля 345 года. Потомъ мучители поставили шесть большихъ столбовъ, три съ одной стороны дороги и три съ другой, и повѣсили на нихъ перепиленныя части тѣлъ. Царица, въ сопровожденіи воинскаго отряда, пронесена была между висящими тѣлами. Такъ изувѣрство соединялось съ самымъ глубокимъ суевѣріемъ!

Все описанное происходило въ непосредственной близости и присутствіи царя; само собой разумѣется, что вѣсти объ этомъ разносились всюду и для провинціальныхъ судовъ столичныя событія служили обязательнымъ примѣромъ и поощреніемъ усердія къ истребленію христіанъ. Письменные памятники передаютъ извѣстія только о нѣкоторыхъ выдающихся изъ ряда исповѣдникахъ того времени, но и по нимъ можемъ представить картину глубокаго народнаго суевѣрія и мужества христіанъ. Къ такимъ исповѣдникамъ и мученикамъ принадлежитъ Милесъ, епископъ г. Сузы.

Уроженецъ области Рахизійской, онъ въ юныхъ лѣтахъ поступилъ въ военную службу и находился при царскомъ дворѣ; но скоро оставилъ службу, принялъ христіанскую вѣру и сталъ изучать священныя книги. Спустя нѣсколько времени, онъ оставилъ мѣсто своего научнаго образованія, Бет-Дапеть (въ 80 верстахъ отъ Испагина) въ странѣ гузитовъ, и прибылъ въ Сузу, въ странѣ Еламской, гдѣ и священствовалъ, а потомъ и епископствовалъ, посвященный епископомъ бет-дапетскимъ (впоследствии пострадавшимъ вмѣстѣ съ Симеономъ). Три года пробылъ онъ на кафедрѣ, но его ревность къ просвѣщенію язычниковъ не имѣла успѣховъ. Въ борьбѣ съ магами и закоренѣлыми язычниками онъ подвергался даже грубымъ оскорбленіямъ; наконецъ раздраженная толпа избилла его, влачила по городскимъ улицамъ и полумертваго бросила за городомъ. Это вынудило его оставить Сузу и искать другого мѣста для своей дѣятельности. Но прежде чѣмъ ушелъ, онъ предрекъ гибель городу, сказавши: „такъ какъ не захотѣлъ ты устроиться и украшаться въ мирѣ, то неожиданно рукою врага найдеть на тебя гибель и внезапное разрушеніе. Твои дворцы падуть и насельники твои будутъ разсѣяны“. И едва прошло три мѣсяца,

как Сапуръ свѣдалъ о заговорѣ противъ него знатныхъ елантианъ, послалъ войско съ тремя стами слоновъ и разрушилъ городъ до основанія, а страну обратилъ въ пустыню, такъ что еще въ пятомъ вѣкѣ, когда писалъ Маруа, мало тамъ было воздѣланной земли.

Милесъ отправился на богомолье въ Иерусалимъ, откуда, послѣ двухлѣтнаго тамъ пребыванія, странствовалъ въ Александрію египетскую и посѣтилъ монаховъ Нитрійской пустыни, гдѣ, какъ извѣстно, и современникъ Милеса, Ефремъ Саринъ, прожилъ семь лѣтъ. Послѣ пятилѣтнаго странствованія прибылъ онъ въ г. Нивзбисъ къ тамошнему епископу Іакову святому и у него пробылъ довольное время. Изъ благодарности за гостепримство Милесъ изъ Адиоба, куда отправился, выслалъ Іакову не незначительный подарокъ шолку для его домашнихъ нуждъ и вмѣстѣ сообщилъ извѣстіе о церковномъ раздорѣ въ Селевкіи—Ктезифонѣ по случаю притязаній жившаго тамъ предшественника Симеонова, Папы (Рапа) епископа, на власть въ церкви (а Папа отказался было отъ кафедръ въ 324 году). Это происходило въ 334 году. По сему случаю происходилъ соборъ въ Селевкіи—Ктезифонѣ, на которомъ присутствовалъ и Милесъ; осужденный Папа умеръ въ слѣдующемъ году (335). Изъ Ктезифона Милесъ отправился въ область Майзанъ (въ Вавилоніи, при впаденіи Тигра въ Персидскій заливъ) и тамъ жилъ въ пустынѣ близъ одного монаха, во всюду распространяя свѣтъ вѣры и утверждая благочестіе. Наконецъ онъ воротился на родину, въ область Рахизитовъ и обратилъ тамъ многихъ ко Христу, чѣмъ навлекъ на себя ненависть правителя области, Гормизды Гуфрива. Послѣдній ожидалъ только случая отстранить челоуѣка, имѣвшаго сильное нравственное вліяніе на народъ, и потому, когда вышелъ царскій указъ о преслѣдованіи учителей христіанскихъ, велѣлъ заключить въ тюрьму Милеса и его сотрудниковъ, священника Абросима и діакона Сину. Предать ихъ обыкновенному суду гордый правитель считалъ лишнимъ; онъ хотѣлъ лично рѣшить участь ихъ. Однажды вмѣстѣ съ братомъ своимъ выѣхалъ онъ въ горы на охоту и велѣлъ представить себѣ туда исповѣдниковъ вѣры. Когда они были приведены, то Гор-

мизда насмѣшливо спросилъ Милеса: „Богъ-ли ты, или человѣкъ? Дай свидѣтельство о твоей вѣрѣ и твоёмъ ученіи“—и заключилъ словами: „а если не объяснишь того, за что ты схваченъ, то я велю отрубить тебѣ голову, какъ дикому звѣрю“. Милесъ небоязненно отвѣчалъ: „я—человѣкъ, моя вѣра—истинная, и я не стану изъ-за лживыхъ рѣчей твоихъ защищать ее. Мое ученіе чисто и для твоего нечистаго слуха я не буду раскрывать его, но скажу тебѣ истину. Горе тебѣ, безбожный злодѣй, и всѣмъ, подобно тебѣ, оскорбляющимъ Бога! По правдѣ Своей Онъ въ будущемъ вѣкѣ осудитъ васъ на геенну и тамошній жаръ и вы будете вѣчно мучиться плачемъ и скрежетомъ зубовъ: потому что не знаете Подавшаго вамъ сіи блага, коими славитесь и утѣшаетесь“. Раздраженный противорѣчіемъ, Гормизда вскочилъ и пронзилъ мечемъ плечо Милесу, такъ что мечъ прошолъ насквозь; объятый такимъ же бѣшенствомъ, братъ Гормизды, Персесъ, извлекъ свой мечъ и ускорилъ смерть исповѣдника Христова. Но прежде чѣмъ испустить духъ, Милесъ предсказалъ обоимъ братьямъ близкое и неминуемое наказаніе отъ Бога за пролітіе невинной крови. Въ то же время Гормизда приказалъ своей прислугѣ побить Абросима и Сину. Гнѣвъ Божій не замедлилъ постигнуть беззаконныхъ; на утро слѣдующаго дня оба брата, преслѣдуя оленя, случайно поразили другъ друга и такимъ образомъ скончались. Кончина исповѣдниковъ Христовыхъ послѣдовала 13 ноября 344, то есть мѣсяцевъ чрезъ семь послѣ изданія помянутаго указа Сапорова.

Блаженный Симеонъ епископъ, уже находясь въ темницѣ, поставилъ себѣ преемникомъ по каедрѣ священника Сціадуста (греч. Садока), сына сестры своей, нѣкогда присутствовавшего на Никейскомъ соборѣ 325 года. И новый епископъ и остававшееся отъ гоненія духовенство жили потаенно, въ скрытыхъ мѣстахъ. Но въ октябрѣ 344 года, чрезъ пять мѣсяцевъ по смерти Симеона, мѣстопробываніе ихъ было открыто; Сціадустъ и съ нимъ сто двадцать священниковъ и діаконовъ изъ окрестныхъ городовъ и селеній были брошены въ тюрьму, гдѣ цѣлныхъ пять мѣсяцевъ подвергались жестокимъ пыткамъ и лишеніямъ. Наконецъ 20 фев-

рала прочіо мученики обезглавлены въ Ктезифонѣ, а Сціадустъ отвелъ въ городъ Ветъ-Лапеть и тамъ казненъ.

Въ іюль мѣсяцѣ сего-же (345) года послѣдовала мученическая кончина Варсавія игумена и одиннадцати другихъ съ нимъ. Основателемъ монашеской жизни въ Персіи называютъ, какъ прежде упомянуто нами, Евгенія, одного изъ учениковъ Антонія Великаго, а о Варсавіѣ говорится, что схваченные съ нимъ десять юношей были учениками его. Мѣстомъ дѣятельности его былъ городъ Астахара, древній Персеполь, нѣкогда столица Персіи. Варсавія обвиняли въ томъ, что прельщаетъ многихъ, научаетъ колдовству и приготовленію ядовъ, наноситъ вредъ религіи маговъ. Онъ подвергнутъ былъ мукамъ, которыя свидѣтельствуютъ о грубости и жестокости относительно христіанъ. Ему дубинами раздробили надколѣнные чашки, также руки, ляшки и ребра, повредили носъ и уши, не оставили въ цѣлости и глазъ. Все это онъ претерпѣлъ мужественно, не испустивши ни одного крика. Такъ какъ правитель не достигъ своей цѣли — вынудить его къ обоготворенію солнца, то и велѣлъ вывести за городъ и тамъ казнить. Мимо мѣста казни пробѣжалъ знатный магъ съ женою, двумя сыновьями и нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ. При видѣ собравшейся толпы, онъ велѣлъ своимъ продолжать путь, а самъ въ сопровожденіи раба пошелъ туда, желая посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Приблизившись къ мѣсту казни, увидѣлъ, что игумень всякаго изъ своихъ учениковъ, до котораго доходила очередь казни, беретъ за руку и передаетъ палачу, громко воспѣвая священную пѣснь для ободренія исповѣдниковъ. Какое впечатлѣніе на душу мага произвело такое мужество вѣры, какое чувство возникло въ глубинѣ его сердца, тотчасъ обнаружилось самымъ дѣломъ. Его духовныя очи открылись, и онъ надъ тѣлами умерщвленныхъ увидѣлъ сіяющій пламенемъ крестъ. Онъ послѣпшилъ слѣзъ съ коня, перемѣнился одеждою съ рабомъ, приблизился къ игумену и сказалъ ему: „я увидѣлъ необычайное явленіе и вашъ Богъ истинно опредѣлилъ мнѣ умереть съ вами; прими меня, какъ одного изъ учениковъ своихъ, и передай на смерть, а тутъ никто меня не знаетъ“. Варсавій ради чуднаго видѣнія исполнилъ его просьбу.

Уже девять изъ учениковъ были казнены; онъ взялъ мага за руку и передалъ его палачу; такимъ образомъ неузнанный новый исповѣдникъ былъ обезглавленъ. Послѣдній ученикъ былъ уже одиннадцатымъ; такъ мало, значитъ, обращали вниманія на число казненныхъ! Въ заключеніе и Варсавій былъ обезглавленъ. Головы ихъ внесли въ городъ и выставили въ капищѣ Нейты на страхъ христіанамъ. Но вышло противное. Поступокъ мага огласился по всей странѣ и многіе персы обратились къ вѣрѣ, въ томъ числѣ и семья его.

Къ четвертому году гоненія относится мученичество епископа Нарсы (Narsa) и его ученика Іосифа изъ Шагаргарда, города въ области Гармеевъ (на югъ отъ Испагани). Царь находился въ этомъ городѣ, когда ему представлены были восьмидесятилѣтній Нарса и его ученикъ; и такъ какъ они не оказали повиновенія, не поклонились солнцу, то и были казнены 20 ноября. Въ этомъ же году пострадали, и тамъ же, осужденные самимъ царемъ: епископы Сапоръ (изъ Бет-Никтора) и Исаакъ (изъ Кархи), и три мирянина: Маганесъ, Авраамъ и Симеонъ. Когда они предстали, царь обратился къ нимъ съ словами: „Развѣ неизвѣстно вамъ, что я происхожу отъ боговъ, молюсь солнцу и почитаю огонь? А вы, кто вы, что возстааете противъ моихъ указовъ, уничтожаете солнце и ни во что ставите огонь?“ Когда-же они единогласно исповѣдали свою вѣру во единого Бога, то царь вскричалъ: „Какой богъ славнѣе Ормузда, или кто страшнѣе Аримана? И кто можетъ называться человѣкомъ мудрымъ, если не покланяется солнцу?“ Сапоръ сказалъ: „мы не знаемъ иного Бога, кромѣ Сотворившаго небо и землю, солнце и луну, все видимое и невидимое; и вѣруемъ въ Сына Его, называемаго Іисусомъ Назаряниномъ“. Тогда царь велѣлъ бить его по устамъ, и это исполнялось съ такою жестокостію, что выпали зубы, при чемъ онъ насмѣшливо прибавилъ: „привови Іисуса, чтобы вставилъ тебѣ зубы“. И когда Сапоръ за это назвалъ царя безбожникомъ, то былъ бичеванъ до полусмерти и затѣмъ снесенъ въ тюрьму. Тогда царь вызвалъ Исаака и сказалъ ему: „однѣхъ-ли мыслей съ Сапоромъ и ты, такъ что я долженъ пролить и твою кровь?“ Огвѣтъ: „называетъ

мое тобою единомысліе ёсть высшая мудрость, которой ты не постигаешь“ раздражилъ царя и онъ грозилъ ему отрѣзать языкъ за продолженіе подобныхъ рѣчей. Онъ перешелъ теперь ко второй части обвиненія маговъ противъ Исаака и потребовалъ отчета, для чего онъ строить церкви? Исаакъ отвѣтилъ: „а когда-жь я переставалъ это дѣлать?“ Тогда царь обратился къ знатымъ горожанамъ, которые предъ тѣмъ только отреклись христіанства, сильно порицалъ ихъ и грозилъ смертію въ случаѣ ихъ возвращенія къ христ. вѣрѣ; онъ клялся, что, доколѣ царствуетъ, не будетъ шадить ни одного христіанина. Затѣмъ велѣлъ дрожащихъ отъ страха отступникамъ побить Исаака камнями. Черезъ два дня послѣ сего умеръ въ тюрьмѣ и Сапоръ вслѣдствіе тяжкихъ увѣчій. Царь сомнѣвался въ вѣрности извѣстія объ этомъ и приказалъ отрубить умершему голову и представить ему. Три мірянина, отказавшіеся также почтить солнце, были присуждены къ мучительнымъ смертямъ. Матанесу содрапа кожа отъ головы до пупа, при чемъ мученикъ испустилъ духъ; Аврааму вырваны глаза раскаленными гвоздями, вслѣдствіе чего онъ умеръ черезъ два дня; Симеона закопали въ землю по грудь и пронзили стрѣлами оставшееся открытымъ тѣло. Память ихъ 18 мая. Изъ другихъ мучениковъ сего года извѣстны пострадавшіе въ Адиабенѣ отъ тамошняго намѣстника: *Іоаннъ*, епископъ Вет-Селевкіи, *Папа*, священникъ изъ Гельмина, и клирикъ *Уганагъ*, побитый камнями по приказанію намѣстника отъ женщинъ, отрекшихся христіанства. Изъ святи самого намѣстника пострадалъ евнухъ *Гуссіатазадъ* (*Азатъ*), удушенный руками отступника пресвитера. Изъ прочихъ страдальцевъ извѣстны міряне: *Сасанесъ*, *Маресъ*, *Тимей* и *Заронъ*, благородная жена *Багута*, дѣвицы *Фекла*, *Данаха*, *Татона*, *Мама*, *Мазокія* и *Нина* (О нихъ см. Хр. Чт. 1827, ч. 26). Въ семь-же году въ области Рахизійской, послѣ трехмѣсячныхъ мученій, обезглавлены 25 февраля пресвитеръ *Даніилъ* и дѣвица *Варда*.

На пятомъ году гоненія казни совершались преимущественно опять въ Селевкіи-Ктезифонѣ, гдѣ находился царь. Обращено особенное вниманіе на нѣкоторыя провинціи, гдѣ множились христіа-

ю. Къ такимъ принадлежала все-таки Адиабена, по свидѣтельству реческаго историка Сократа (Ист. Церк. XI, 12), почти вся населенная христіанами и состоявшая въ непосредственной близости къ Селевкіи-Ктезифону, откуда вышли первые мученики. Теперь схваченные тамъ сто двадцать лицъ, кои, за исключеніемъ девяти дѣвъ, принадлежали къ числу клириковъ, были приведены въ Селевкію и шесть мѣсяцевъ пробыли въ тюрьмѣ, подвергаясь всякимъ мукамъ и непоколебимо соблюдая свою вѣру. Наконецъ ихъ вывели на мѣсто казни и еще разъ предложили поклониться солнцу и тѣмъ спасти свою жизнь, но получили въ отвѣтъ: „дѣлайте съ нами, что вамъ угодно, потому что мы не хотимъ оставить нашего Бога и поклоняться творенію Его“. Тогда всѣ они были обезглавлены, а съ наступленіемъ ночи похоронены въ уединенномъ мѣстѣ людьми, нанятыми для того нѣкоторою благочестивою женщиною.

Шестой годъ гоненія отличается отъ предыдущихъ жестокостію и распространенностію преслѣдованія, потому что царь Сапоръ рѣшился совершенно истребить христ. вѣру въ своемъ государствѣ и для того издалъ указъ — убивать всякаго христіанина безъ предварительнаго судебнаго разбирательства. Такимъ образомъ данъ просторъ произволу. Изъ пострадавшихъ теперь, хотя схваченныхъ и заключенныхъ еще прежде, былъ и *Барбасима*, преемникъ Спіадуста на каедрѣ селевкіи-ктезифонской. Барбасима былъ братъ Спіадуста; избранный на его мѣсто, онъ жилъ сокровенно въ частномъ домѣ и своимъ клирикамъ велѣлъ носить мирскую одежду для того, чтобъ избѣгать вниманія враговъ вѣры. Но такая жизнь естественно не могла продолжаться слишкомъ долго и на третьемъ году папства, неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ, былъ онъ схваченъ съ шестнадцатью лицами священнаго сана и заключенъ въ тюрьму, въ которой находился одиннадцать мѣсяцевъ. Выставленные противъ него обвинительные пункты свидѣлствуютъ о его полезной дѣятельности и были рассчитаны на понужденіе царя къ строгому приговору. Его обвиняли въ порицаніи государственной религіи и привлеченіи многихъ персовъ къ христіанской вѣрѣ. Самъ царь спросилъ тогда

о родѣ и званіи обвиняемаго, и узнавъ, что это племянникъ Симоны и братъ Сціадуста, еще болѣе подозрительно отнесся къ нему. Представленнымъ на судъ сказалъ царь: „о вы, повинные самой жестокой казни! Для чего такъ дерзко преступаете мой указъ? А ты для чего сталъ главою народа, ненавистнаго мнѣ за прервініе моихъ боговъ, и при томъ, когда даже изъ-за этого казненъ Симоны, котораго я любилъ?“ Барбасима отвѣтилъ: „если бы мы и желали повиноваться твоему приказу, то наша вѣра запрещаетъ это; а такъ какъ и малѣйшаго члена нашей вѣры несогласны мы уничтожить изъ-за твоей воли, то тѣмъ больше сохранимъ важнѣйшее для насъ“. Раздраженный царь назвалъ это глупостію и поклялся солнцемъ, что истребитъ христіанство съ лица земли, а Барбасимѣ сказалъ, что онъ не предастъ его смерти тотчасъ, но еще дастъ ему жить на страхъ другимъ, держащимся его ученія, чтобы предостеречь ихъ отъ готовящейся ему мучительной смерти. Затѣмъ велѣлъ его и его спутниковъ заключить въ тюрьму, гдѣ отъ февраля до половины декабря томился онъ съ ними въ нарочито изобрѣтаемыхъ пыткахъ и мученіяхъ. Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляли маги, поступавшіе тѣмъ безошаднѣе, чѣмъ мужественнѣе оказывались страдальцы. При этомъ ихъ томили голодомъ и жаждою, такъ что на мученикахъ оставались только кости и кожа, послѣдняя приняла пепельный цвѣтъ. Къ половинѣ декабря исповѣдники были отправлены въ Леду, гдѣ тогда жилъ царь. Открылся судъ подъ предсѣдательствомъ самого царя и онъ сказалъ приведеннымъ: „о глупые, несмысленные люди! Вы по собственному произволу умираете, сами себя казните и истребляете; вы не хотите отстать отъ своей дерзости, какъ и предшественники ваши, которые были умерщвлены, а между тѣмъ мечтали снова ожить и господствовать. Вы имъ подражаете и умираете, какъ они, но не возстанете снова, какъ надѣетесь. Послушайте-же меня, не пренебрегайте моими повелѣніемъ, и вы останетесь жить, и всѣхъ васъ почту дарами и богатствомъ; а прежде всѣхъ тебя, Барбасимѣ, возвеличу, если послушаешься меня и вмѣстѣ со мною поклонись солнцу“. При этомъ велѣлъ поднести Барбасимѣ блюдо съ 1.100 золотыхъ монетъ. Въ спра-

ведливою негодованіи исповѣдникъ выразилъ удивленіе къ поступку царя, думавшаго купить вѣру за деньги, и прибавилъ: „не думаешь-ли приласкать меня какъ мальчика, прижать меня какъ незрѣлаго юношу, и прельстить ничтожнымъ прахомъ и увядшими цвѣтами, чтобы я оставилъ Бога Вѣчнаго, словомъ Котораго все сотворено и по жванію Котораго все опять можетъ уничтожиться?“ Когда, такимъ образомъ, ни ласки, ни угрозы не подействовали на исповѣдниковъ вѣры, всѣ они были обезглавлены 9-го января.

Такимъ образомъ въ короткій промежутокъ шести лѣтъ скончались мученически три верховные предстоятеля церкви въ персидскомъ государствѣ, а такъ какъ въ семь году изданъ былъ помянутый указъ о всеобщемъ истребленіи христіанъ, исполнявшійся съ особымъ усердіемъ преимущественно въ Селевкіи-Ктезифонѣ, обыкновенномъ мѣстопребываніи царя, то и неудивительно, что епископская кафедра здѣсь не замѣчалась около двадцати лѣтъ.

Помянутый царскій указъ гласилъ слѣдующее: „Каждый, кто любитъ меня и хочетъ добра моему владычеству, обязанъ усердно заботиться, чтобы ни одного христіанина не было въ предѣлахъ моей имперіи, если только онъ не молится солнцу, не чтитъ огня и воды и не ѣстъ крови животныхъ. Кто сего не дѣлаетъ, долженъ быть выданъ правителю, который по собственному разсужденію можетъ его пытать и казнить“ (Assemani, Biblioth. or. 1, 121). Онъ объявленъ былъ во всѣхъ частяхъ имперіи и тысячи падали жертвою необузданной ненависти и безграничнаго произвола. Судебнаго изслѣдованія теперь не требовалось, да при множествѣ исповѣдниковъ едва-ли оно и возможно было. И на этомъ не останавливались гонители, но разрушали церкви и оскверняли священные предметы. Жадность совершенно заглушила состраданіе, такъ какъ имѣніе казненныхъ доставалось людямъ, предававшимъ христіанъ. Само собой разумѣется, что болѣе уважаемые и богатые христіане преимущественно становились жертвою любостыжанія и изувѣрства. А что при этомъ находились и отступники, въ виду предстоявшихъ неизбѣжно лишеній, мученій и смерти изъяслявшіе покорность царскому повелѣнію, открывается изъ выраженной исто-

рика гоненій, епископа Маруэн, что „падающіе падали, а стоящіе держались прямо“, что „благородные спѣшили къ своему дѣлу, а лѣнныя пребывали въ бездѣйствіи“. Именно, говоритъ онъ: „Въ то же время, какъ Варбасимъ пріялъ мученической вѣнецъ, страшная буря обрушилась на страны наши, которая сильно поражала народъ нашъ, разрушала церкви и священные предметы вѣры нашей предавала поруганію. Тогда люди мужественные и отмінные укрѣплялись духомъ и выступали на зрѣлище, а слабыя и лѣнныя впадали въ уныніе и отрекались своей вѣры... Хотя же извѣстно, что во многихъ мѣстахъ они свидѣтельствовали объ истинѣ вѣры христіанской, но до насъ дошли немногія имена ихъ, и въ описаніи дѣяній ихъ я напрасно сталъ бы распространяться, потому что не надѣюсь изобразить ихъ словомъ, ни обнять все вполне и совершенно. Что-бы я ни сказалъ, не будетъ соответственнымъ, и окажется краткимъ сравнительно съ продолжительными ихъ страданіями. Что-бы я ни представилъ, будетъ мало, такъ какъ мученія ихъ превосходили всякую мѣру. Да и трудно говорить подробно о томъ, о чемъ письменныхъ памятниковъ не имѣешь подъ руками“ (См. *Passio martyrum, qui variis in locis a Praefectis interemti sunt...* въ *Acta martyrum Orientalium*, pag. 118, 119).

Изъ мучениковъ въ сіе же время извѣстны: священникъ Іаковъ изъ одного селенія близъ Евфрата и дѣва Маріамъ. Они были заключены въ тюрьму за то, что отказались ѣсть кровь, и послѣ жестокаго бичеванія обезглавлены 17 марта въ селѣ Тель-Дара, гдѣ тогда находился правитель Ассиріи, Нарсесъ Тамшадуръ. Около того-же времени велѣлъ онъ схватить нѣкоего священника Павла и пять дѣвъ—Феклу, двухъ Марій, Мароу и Аму. Имъ предложили также между прочимъ ѣсть кровь съ обѣщаніемъ свободы и возвращенія отнятаго у нихъ имущества. Павелъ, наконецъ, уступилъ и даже согласился быть палачемъ мужественныхъ исповѣдницъ святой вѣры. Казнь ихъ послѣдовала 9 іюня.

Далѣе въ сохранившихся до насъ памятникахъ находится перерывъ лѣтъ на двѣнадцать, перерывъ въ томъ смыслѣ, что не имѣется извѣстій о мученикахъ и продолженіи гоненія. Можно по

ему думать, что достигши важнѣйшаго — возможнаго истребленія христіанской іерархіи и выдающихся мірянъ. разрушенія церковей и уничтоженія имени христіанскаго, — царь хотя формально не отменилъ своего указа, но и не настаивалъ на его исполненіи. Гоненіе превращалось мало по малу можетъ быть и влѣдствіе сопряженныхъ съ нимъ гражданскихъ и общественныхъ нестроеній, что не могло укрыться отъ взоровъ правительства, а также и неизвѣстныхъ намъ политическихъ, вѣдшихъ отношеній Персіи къ сосѣднимъ государствамъ, особенно къ римской имперіи. Но еще на пятнадцатомъ году отъ начала гоненія, значить въ 358 или 359, помянутый Нарсесъ Тамшадуръ велѣлъ схватить въ Арбелѣ діакона Баргадбесіава и вмѣстѣ съ требованіемъ поклоненія солнцу и огню приказывалъ ему вкусить крови. Какъ противникъ повелѣнію, былъ онъ жестоко бичеванъ, но пребылъ въ вѣрѣ и сказалъ правителю: „Кто-жь ты, безбожникъ и сквернавецъ, что отвращаешь меня отъ моей истинной вѣры и требуешь оставить путь, которымъ я шель отъ юности моеи? Я служу истинно живому Богу и вѣрую истинному Спасителю, отъ Котораго не въ состояніи отворотить меня ни ты, ни царь, которымъ ты такъ гордишься, ни твои пытки, ни самая смерть, которою ты хочешь устрашить меня, — отъ Іеуса, любимаго мною во всю мою жизнь и до старости, достигнутой мною“. Эта смѣлая рѣчь ускорила рѣшеніе дѣла; Баргадбесіаву объявлена смертная казнь, а исполненіе ея поручено находившемуся въ оковахъ мірянину, христіанину Гагаю, который хотя не согласился отречься вѣры, но вѣроятно уже обнаружилъ нѣкоторое колебаніе. Съ него сняты были оковы, а Баргадбесіавъ въ оковахъ выведенъ за городъ, на мѣсто казни. Гагай схватилъ дрожащими руками мечъ и семь разъ ударилъ по затылку, но не могъ отдѣлать головы отъ тѣла; наконецъ поразилъ его въ сердце. Это было 20 іюля. Къ сему же времени относится и мученическая кончина *свв. Аивалы и Ансея*. Аивала былъ прежде языческимъ жрецомъ, но по выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни обратился къ христіанству и съ успѣхомъ проповѣдывалъ его своимъ. Онъ и Ансей были схвачены правителемъ области и лишены ушей; послѣ того отправлены изъ Арбелы къ царю, находившемуся въ другой

части государства, и казнены по его повелѣнію. Память ихъ 11 декабря.

Война съ Персією, веденная было императоромъ Констанціемъ съ 359 года, продолжена Юліаномъ, и въ связи съ нею стоитъ мученическая война многихъ христіанъ, плѣненныхъ въ областяхъ римской имперіи. Именно, въ 53 году царствованія своего (въ 362 отъ Р. Хр.), Салпоръ вторгнулся въ пограничье римское за рѣку Тигръ, осадилъ Бет-Забдъ (Бакерду), взялъ его, срылъ крѣпостныя стѣны, солдатъ избилъ, а изъ жителей до десяти тысячъ мужей и женъ взялъ въ плѣнъ и увелъ съ собою при отступленіи въ страну гузитовъ (которой главный городъ — Суза). Въ числѣ плѣнныхъ были епископъ Иліодоръ, два престарѣлые священника, Дауза и Маріабъ, и многіе другіе священники, діаконы, монахи и посвятившія себя Богу дѣвы. На пути множество ихъ заболѣли и умерли, между ними и епископъ Иліодоръ въ г. Стакартѣ. Предъ смертію онъ призвалъ Даузу, посвятилъ его вмѣсто себя въ епископа и передалъ ему бывшій при немъ алтарь (переносный ¹⁾) престолъ—антиминсъ) для совершенія богослуженія. Умершій былъ похороненъ своими съ почетомъ, соотвѣтственно его сану; отсюда вужно заключать, что плѣнные сначала не были стѣсняемы въ вѣрѣ и предназначались просто для поселенія въ Персіи. Но такъ какъ всюду на пути ихъ слѣдованія совершались богослужебныя собранія, то маги зорко за ними наблюдали и наконецъ нѣкто начальнѣйшій изъ маговъ доложилъ царю: „между этими плѣнными есть человѣкъ, глава христіанъ, по имени Дауза, который собираетъ вокругъ себя многихъ изъ плѣнныхъ, мужей и

¹⁾ Восточные епископы (говорить Ассемани въ примѣчаніи къ сему мѣсту—*Acta martyrum orientaliun*, pag. 141), отправляясь въ путешествіе, и теперь по древнему обычаю берутъ съ собою переносный алтарь для того, чтобы и въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ церквей, ежедневно совершать или хоть слушать литургію. Переносный алтарь есть небольшая каменная дощечка съ приличнымъ свящ. изображеніемъ, но всего чаще—деревянная, освященная по особому чину. А что, въ случаѣ нужды, хиротонія въ епископскій санъ совершалась и однимъ епископомъ, тому примѣровъ въ древней церкви довольно. Такъ Евагрій антиохійскій 383 г. посвященъ однимъ Павлиномъ, и это посвященіе признано православною церковію; Евсевій самосатскій одинъ совершалъ посвященія въ епископы, потому что вблизи не было другихъ православныхъ (*Феодорита Церк. Ист.* V, 4. 23).

женъ, и людей своей вѣры, единогласно порицающихъ и прокли-
нающихъ твое владычество и дѣлающихъ это ежедневно. Я не
равъ предостерегалъ ихъ, но они продолжаютъ порочить тебя и
безчестить персидскихъ боговъ“. Царь находился тогда въ Дур-
захъ, въ области Дары, вошелъ въ совѣщаніе съ магомъ и дру-
гимъ сатрапомъ, и далъ имъ приказъ: „идите и хитро приведите
сюда главу сихъ христіанъ и всѣхъ его единовѣрцевъ; скажите
имъ, что царь очень доволенъ вашими священными собраніями и
повелѣваетъ васъ поселить на такой-то горѣ. Это земля плодород-
ная, поля прекрасныя, воды много; она дается вамъ навсегда. А
приведши на гору, объявите имъ, что всякій, кто пожелаетъ вла-
няться солнцу и лунѣ и отречься Бога, котораго чтитъ импера-
торъ, можетъ тутъ поселиться покойно, по своему желанію, а кто
сему повелѣнію не повинуется, погибнетъ отъ меча“. Съ такимъ
наказомъ отпустилъ онъ обоихъ, давши имъ отрядъ воиновъ—сто
конныхъ и двѣсти пѣшихъ. По прибытіи на мѣсто, гдѣ находи-
лись тогда плѣнные, они вызвали Даузу, хорепископа (поставлен-
наго Даузою) Маріава, другихъ пресвитеровъ и діаконовъ и мі-
рянъ около трехъ сотъ, и возвѣстили имъ волю царскую. Не пред-
чувствуя опасности, они отправились за сановниками къ назначен-
ной горѣ Мазебдану, близъ города Гафта. Тутъ произошла оста-
новка, и христіанамъ сказано: „такъ какъ вы ежедневно порицаете
царя и порочите персидскихъ боговъ, то царь приказалъ всѣхъ
васъ умертвить на этомъ мѣстѣ; но если окажете царю повинове-
ніе, то сохраните жизнь. Исполните-жь волю царскую, поклонитесь
солнцу и лунѣ, перестаньте воздавать почтеніе императору и поч-
тите Сапора, царя царей, потому что вы его рабы, и онъ пове-
литель вашъ. Если окажете повиновеніе, то вамъ предоставлены
будутъ эти прекрасныя плодородныя поля и эта сторона, заросшая
виноградомъ, масличными и пальмовыми деревьями, какъ видите,
и роздавы будутъ подарки по вашему желанію. А если не скло-
нитесь на волю царя, то знайте, что сегодня-же погибнете отъ
меча и никто изъ васъ не останется въ живыхъ“. Какъ ни была
неожиданна эта угроза, христіане не потеряли мужества. Взоры
всѣхъ обратились къ Даузѣ въ ожиданіи отвѣта его. Дауза не-

боязненно сказалъ: „о люди, которые такъ-же жаждете проливать кровь своихъ соотечественниковъ, какъ и кровь чужестранцевъ! Ваши домочадцы избиты жечомъ, отъ котораго теперь должны пасть и иностранцы; но что-жь вы приобрѣтаете этимъ и какое найдете извиненіе? Не написано-ли: ваше мщеніе по правдѣ будетъ судимо, и вашъ приговоръ обратится на васъ и не останется безъ наказанія? Потому что кровію мучениковъ на востокъ вы запятнали себя, и теперь хотите запятнать себя кровію мучениковъ съ запада, чтобы и наша священная кровь зачислена была въ ваше осужденіе, куда занесена уже неповинная кровь святыхъ мучениковъ, пролитая вами. Но скрытый обманъ вашъ возбуждаетъ въ насъ радость, и злодѣйскій приказъ служить торжествомъ для насъ. Мы, значить, не плѣнники, не отчуждены отъ своего отечества; и умираемъ мы не какъ ссыльные и плѣнные. Кто нашъ убійца, подымись и смежи очи свои; кто будетъ рубить головы, не медли! У всѣхъ насъ одинъ Богъ, Тотъ, Который по грѣхамъ нашимъ предалъ насъ въ руки ваши, но теперь умилился и примирился съ нами; ради Его мы готовы теперь-же умереть. Прочь отъ насъ мысль кланяться солнцу и луиъ, твореніямъ рукъ Его, и исполнять волю царя вашего, властнаго только надъ тѣлами людей; потому что мы страдаемъ за нашу вѣру и призываемъ нашего истиннаго Бога, Того, Которому и императоръ кланяется, въ Котораго и опъ вѣруетъ. Да, съ веселіемъ и славою вступаемъ мы въ страну, въ которую намъ опредѣлено вступить. Но горе вамъ, сквернавцамъ и нечистымъ, вводящимъ востокъ въ заблужденіе своимъ ученіемъ о томъ, что вовсе не Богъ! Истинный Богъ не обитаетъ въ васъ и уничтожитъ васъ, положить конецъ вашему заблужденію и вашу ложь истребить на всемъ востокѣ. Знай-же, что всѣ мы держимся одинаковыхъ мыслей; исполняй, что тебѣ поручено, и не медли!“ Такъ Дауза изложилъ открытое исповѣданіе непоколебимой вѣры своей и своихъ. Сановникъ царскій немедленно приступилъ къ казнямъ, и тотчасъ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ были обезглавлены; затѣмъ слѣдовали казни и другихъ. Но когда уже двѣсти семьдесятъ пять исповѣдниковъ претерпѣли казнь, остальные двадцать пять въ страхѣ от-

реклись своей вѣры и поклонились солнцу. Они были пощажены и получили обѣщанныя земли для поселенія. Память мучениковъ совершается церковію 9 апрѣля.

По условіямъ мира, заключеннаго въ іюнѣ 363 года между римскою имперіею и Персіею, послѣдняя приобрѣла пять провинцій въ рѣкою Тигроузъ, въ большинствѣ населенныхъ христіанами, и потому правительство персидское нашлось вынужденнымъ дать больше прежняго свободы христіанамъ и въ старыхъ областяхъ. По сирскимъ извѣстіямъ, каеодру Селевкии-Ктезифона занималъ въ это время *Тамуза*, о коемъ, кромѣ имени, иныхъ свѣденій не сохранилось. Дѣтъ двѣнадцать продолжался покой церкви, какъ возобновилось гоненіе по слѣдующему поводу. Авдіусусъ, епископъ, области Каскарской въ Вавилоніи, вѣроятно города Бизетуна, имѣлъ племянника діакона, котораго за развратную жизнь лишилъ сана. Бывшій діаконъ, желая отмстить, отправился въ Сузу, гдѣ находился тогда царь, и донесъ ему, что „въ провинціи Каскарской живетъ глава христіанъ, по имени Авдіусусъ (Ebedjesu), и при немъ священникъ Авделаи (Abdalaha). Они имѣютъ сношенія съ римскими соглядатаями, сообщаютъ имъ о внутреннихъ дѣлахъ Персіи и пишутъ императору обо всемъ, что происходитъ на востокѣ. Указы твои пренебрегаютъ, слова твои осмѣиваютъ и не исполняютъ, солнце и луну, огонь и воду не признаютъ за боговъ и смѣются надъ ними“. Царь-тотчасъ велѣлъ Ардшару, правителю Адиабены, схватить епископа и его пресвитера и посредствомъ пытокъ довести до сознанія. Почему Авдіусусъ и Авделаи были приведены въ нѣкое населенное мѣсто близъ города Бет-Лапета и подвергнуты допросу. На вопросъ „кто они“, отвѣчали: „мы — христіане“, и затѣмъ на рѣчь, что если они христіане, то, значить, и враги царя, сказали: „нѣтъ, онъ — нашъ врагъ, потому что ненавидитъ истиннаго Бога и убиваетъ истинныхъ почитателей его“. На требованіе говорить помянутое, если не хотятъ умереть поносною смертію, они сказали: „мы любимъ истину и не позволяемъ себѣ обольщаться ложью; а ты довершай свое плутовство. Пусть насъ постигнетъ всякая смерть, какую ни придумаетъ твоя алчность; мы съ радостію умремъ ради Бога“. Дальнѣйшее

обвиненіе въ сношеніяхъ съ римлянами Авдіисусъ совершенно отвергъ, а относительно непочитанія персидскихъ боговъ выразился, что объ этомъ не слѣдуетъ и говорить, такъ какъ они—совершенно иной вѣры. Тогда палачи cadaго связали тремя веревками, такъ что одна тѣсно обхватывала ребра, другая ляшки, третья голени, и подъ всякую веревку вложили дерево, которое ворочали и тѣмъ постепенно закручивали ее такъ, что трещали кости и жилы. Руки были связаны назадъ. Въ продолженіе этихъ пытокъ имъ повелѣвалось почитать солнце, бога государева, и выдать тайны императора. И такъ какъ исповѣдники вѣры пребыли непоколебимыми, то пытки возобновлялись семь разъ и наконецъ полужертвыхъ свесли въ тюрьму. И здѣсь не допускали къ нимъ никого и давали имъ хлѣбъ и воду только для поддержанія жизни; но цѣлые шесть дней они не могли употреблять грубой пищи и иставали голодомъ. Наконецъ одна сострадательная вдова, не смотря на запрещеніе, спустила имъ чрезъ небольшое оконце тюрьмы болѣе пригодную и укрѣпляющую пищу, которой и подкрѣпились они, благодаря Бога. О положеніи заключенныхъ Ардширъ довесь царю, присовокупивъ, что не смотря на всякаго рода пытки обвиняемые не сознаются въ преступленіяхъ. Царь, полагая, что этого можно достигнуть и иныиъ путемъ, позвалъ обвинителя и спросилъ его, есть-ли въ Каскарѣ и еще подозрительные христіане? Предатель указалъ ему на каскарскаго епископа Авду, тамошнихъ священниковъ и діаконовъ. Тогда царь поручилъ ему привести ихъ, давши для сего отрядъ воиновъ (десять конныхъ и двадцать пѣшихъ). Между тѣмъ Авда, нисколько не предчувствуя готовящихся ему испытаній, съ своими священниками и діаконами оставилъ городъ для исправленія церковныхъ дѣлъ внѣ его. Онъ находился въ нѣкоторомъ христіанскомъ селеніи, когда вступили туда посланные воины и схватили какъ его, такъ и сопровождавшихъ его; всѣхъ схваченныхъ было двадцать восемь, въ томъ числѣ семь дѣвъ, посвятившихъ себя Богу. Въ оковахъ они были приведены въ Леду, гдѣ находился царь, который и поручилъ сановнику вмѣстѣ съ двумя магами разслѣдованіе. Судьи спросили: „для чего вы держитесь заблужденія, обольщаете души невѣже-

уверенныхъ людей и вносите развращеніе своимъ льстивымъ ученіемъ?“ На это отвѣчалъ Авда: „мы съ полною увѣренностію идемъ прямымъ путемъ, и всякій, присоединяющійся къ намъ, поступаетъ разумно, идетъ не въ потьмахъ и не блуждаетъ, потому что идетъ въ свѣтъ, слушаетъ насъ въ прекрасной надеждѣ на будущую жизнь и отстаетъ отъ заблужденія своего“. Когда-же за симъ сановникъ велѣлъ имъ кланяться солнцу, потому что въ противномъ случаѣ поступить съ ними на основаніи данныхъ ему полномочій, то Авда сказалъ: „ни царь твой и его повелѣніе. ни ты и твоя власть, ни бичеванія не въ состояніи отлучить насъ отъ любви и милости Бога нашего и отъ нашей истинной вѣры въ Іисуса Христа. Никогда не станемъ поклоняться творенію, солнцу, вмѣсто Творца его, и всевышняго и святаго Царя не перемѣнимъ на какого-бы то ни было ничтожнаго и безбожнаго царя“. Эта рѣшительная рѣчь возбудила гнѣвъ судьи и онъ велѣлъ, повергнувъ на землю, дать всякому изъ нихъ по сотнѣ ударовъ бичемъ. Затѣмъ сказалъ исповѣдникамъ: „какъ вы осмѣливаетесь уничтожать Сапора, царя царей, того, который подобно Богу властвуетъ надъ тварями?“ Авда отвѣчалъ: „Сапоръ есть не что иное, какъ человѣкъ, и подверженъ всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ; онъ ѣстъ и пьетъ, какъ всякій другой, одѣвается, трудится и утомляется, бываетъ радостенъ и печаленъ, слабъ и боленъ, и наконецъ долженъ умереть. Это господство дано ему отъ всевышняго Бога, чтобы онъ по Его правдѣ управлялъ землями и народами“. Присутствовавшіе при этомъ маги пришли въ раздраженіе и били его кулаками по лицу, упрекая за поношеніе государя. Когда судья убѣдился, что всѣ попытки преодолѣть твердость узниковъ безуспѣшны, то сочли за лучшее увѣдомить царя объ этомъ и просить его дальнѣйшихъ приказаній. Царь спросилъ ихъ: „какъ находите сихъ чародѣевъ? остаются-ли при своихъ убѣжденіяхъ, и что они говорятъ?“ Предсѣдатель отвѣтилъ, что не смѣетъ и повторить говоримаго ими. Но по настоянію царя сообщилъ все происходившее и то, что Авда не считаетъ его божествомъ, а обыкновеннымъ человѣкомъ. Царь разсвѣдлся и сказалъ, что Авда прямо разуменъ, потому что царь

человѣкъ только. Несовѣтъ довольный сообщеніями, царь назначилъ для окончанія суда новаго сановника, который въ сопровожденіи прежнихъ судей прибылъ на мѣсто и началъ допрашивать узниковъ, сказавши: „вы-ли не повинуетесь велѣніямъ царя?“ Они отвѣтили: „мы повинujemyся велѣніямъ Бога, Владыки всѣхъ тварей, а воля незаконнаго царя не покоряется“. Тогда онъ объявилъ, что имѣютъ полномочіе пощадить ихъ, если поклонятся солнцу, а въ противномъ случаѣ прикажетъ казнить ихъ. Спокойно выслушали они это, и Авда тотчасъ отъ лица всѣхъ сказалъ, что не желаютъ и не ожидаютъ пощады, такъ какъ не могутъ повиноваться сему приказу. Тогда сняли съ нихъ оковы и всѣхъ казнили. Къ этому часу прибыли два брата, Баргадбесіавъ и Самуилъ. изъ свиты епископа Авды, не бывшіе при взятіи его подъ стражу потому, что высланы имъ были предъ тѣмъ для собранія милостыни и покупки съѣстныхъ припасовъ. Когда они узнали о судьбѣ епископа и другихъ съ нимъ, то поспѣшили на мѣсто казни, бросились къ тѣлу священномученика, лобызали его, кропили себя кровію его и сказали палачамъ: „убейте и насъ, потому что для насъ смерть пріятнѣе и дороже, нежели безчестная и унылая жизнь; и мы презираемъ и поносимъ царя; и мы христіане, какъ и они“. Пораженные судьбы не рѣшились сами произнести приговора надъ новыми исповѣдниками, потому что именъ ихъ не было въ спискѣ осужденныхъ царемъ, и донесли обо всемъ царю. Рѣшеніе послѣдняго скоро получено, и въ тотъ же день, 15 мая, оба исповѣдника казнены.

Заявившись дѣломъ Авды и его спутниковъ, судьи совершенно забыли объ Авдіусѣ и Авделаѣ. Царь первый вспомнилъ о нихъ и велѣлъ обезглавить. Они находились въ такомъ жалкомъ состояніи, что сами не могли идти на мѣсто казни; ихъ принесли туда на плечахъ. Видъ ихъ былъ ужасенъ. На нихъ замѣтны были только кости да кожа; волосы съ головы выпали, ребра и члены переломлены; едва можно было различить въ нихъ образъ человѣческій. Прямо стоять они не могли. Еще разъ имъ было предложено отречься отъ своей вѣры, и за отказомъ послѣдовало обезглавленіе, 16 мая. Въ городѣ находились тогда римскіе военно-плѣн-

ше, христіане; они тайно взяли тѣла мучениковъ и положили ихъ въ скрытномъ мѣстѣ.

Такъ пострадали мужичины, а семь святыхъ дѣвъ царь велѣлъ отвезти въ Вет-Лапеть на казнь. Когда ихъ вели чрезъ городъ, то раздался изъ толпы голоса, что проливается неповинная кровь, но это не остановило рѣшенія. На мѣстѣ казни были они спрошены, не покорятся-ли волѣ царя и не вступятъ ли въ бракъ? Дѣвы отвѣчали: „мы возложили всѣ свои надежды на Бога, и Его одного почитаемъ; какихъ либо другихъ боговъ не признаемъ. Дѣлай, что поручено тебѣ, и не медли! Потому что, знай, волѣ беззаконнаго царя не повинуемся и солнцу, творенію, кланяться не будемъ, и никто насъ не убѣдитъ вступить въ бракъ“. Обезглавленіе ихъ послѣдовало 22 мая, и въ ту-же ночь христіане тайно похоронили тѣла ихъ.

Къ 9-му апрѣля слѣдующаго (376) года относится мученическая кончина *св. Вадима*, архимандрита основаннаго имъ монастыря въ предмѣстьи Вет-Лапета, роднаго его города. Обращеніе язычниковъ въ христіанскую вѣру служило поводомъ къ заключенію въ тюрьму его и семи его учениковъ. Четыре мѣсяца томились они тамъ и три раза подвергались пыткамъ, но пребыли твердыми и наконецъ обезглавлены (См. Четь-Миней 9 апрѣля).

Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года вновь разослано царское повелѣніе объ истребленіи вѣры христіанской и всѣхъ ея читателей, съ обозначеніемъ преступности той вѣры и вреда ея для христіанства. Говорилось:

«Христіане отвергаютъ наше ученіе и учатъ людей почитать одного только Бога, солнцу не кланяться, огня не уважать и воду сквернить нечистыми омовеніями; учатъ не жениться, не раждать сыновъ и дочерей, съ царемъ не ходитъ на войну и никого на ней не убивать, тогда какъ дикихъ звѣрей убивать и ѣсть, мертвыхъ людей погребать въ землѣ. О жмѣяхъ, скорпіонахъ и всѣхъ пресмыкающихся по землѣ они говорятъ, что ихъ создалъ Богъ, а не сатана. Многихъ изъ слугъ царскихъ они прельщаютъ и обучаютъ своему чернокижію, выдавая это за священныя писанія».

По обнаруженіи царскаго указа безчисленное множество христіанъ въ городахъ и селахъ избито слѣпою чернью, направле-

мою магами; въ числѣ погребшихъ находился и любимый внучъ царя, Азадъ, самоубившійся за вѣру. Узнавъ о томъ, царь велѣлъ остановить общее гоненіе и искать для суда только учителей и вождей христіанской вѣры. Тогда маги и жрецы усердно проходили страну, ища епископовъ и священниковъ. Взять былъ и восьмидесятилѣтній Акепсима, епископъ города Наессона, въ округѣ гонитовъ (подъ метрополією Арбелы). Когда взяли вѣли его изъ дому, нѣкто изъ домашнихъ сказалъ ему на ухо: „завѣдай что о домѣ твоёмъ“; Акепсима, указавъ рукою на домъ, отвѣчалъ: „это уже не мой домъ, потому что иду теперь къ дому небесному“. Въ Арбелѣ представленъ онъ былъ на судъ, и правитель спросилъ его: „христіанинъ-ли онъ?“ Акепсима подтвердилъ это и прибавилъ, что чтитъ истиннаго Бога. Правитель продолжалъ: „справедливъ-ли слухъ, что ты въ этой странѣ учишь противно волѣ царя царей?“ Акепсима: „все, тобою о насъ слышанное, правда; я проповѣдую людямъ единого Бога и приходившимъ ко мнѣ совѣтую оставить нечестивыя пути свои и обратиться къ Нему, какъ въ свящ. книгахъ нашихъ написано“. Правитель: „слышалъ я, что ты человекъ мудрый, и теперь вижу, что ты уже достигъ глубокой старости; отъ чего-жъ ты поступаешь несмысленно и не чтить солнца, которому поклоняется весь востокъ?“ Акепсима: „Весьма неразумно поступаетъ вся восточная страна, что оставляетъ Творца и почитаетъ тварь. Вы ее вводите въ заблужденіе своимъ лживымъ ученіемъ о многихъ богахъ“. Правитель: „Ложнымъ-ли называешь истинное ученіе, котораго царь держится?“ и грозилъ за то смертію. Акепсима: „Въ чемъ-же истинность вашего ученія, когда оно прямо отвергаетъ истину, боготворитъ преходящее и сотворенное?“ Допросъ былъ прерванъ, и Акепсима предложено воздать честь солнцу, иначе подвергнется страшнымъ мукамъ и пыткамъ, не смотря на престарѣлый возрастъ. Акепсима: „загради свои нечистыя уста, нечестивецъ, и не говори больше. Отъ ранней юности воспитанъ я въ истинной вѣрѣ и, дождавшись сѣдинъ, считаю долгомъ не безчестить своего добраго имени“. Послѣдовало бичеваніе исповѣдника суковатыми палками столь жестокое, что земля обогрилась кровію. И затѣмъ опять представленъ былъ исповѣд-

живъ мучителю, который спросилъ его: „гдѣ-жь Богъ твой? Пусть придетъ и избавить тебя отъ рукъ нашихъ!“ Акесима: „Богъ мой при мнѣ и можетъ избавить меня отъ нечестныхъ рукъ твоихъ; но я прошу Его не объ этомъ, а о терпѣніи и достиженіи вѣнца жизни. А ты не хвались, потому что ты цвѣтъ увядающій, трава высыхающая и уже теперь, при жизни, мертвъ, живя не для Бога, Творца твоего“. Обложенный тяжкими цѣпями, онъ былъ отведенъ назадъ въ темницу.

На слѣдующій день приведены въ судилище семидесятилѣтній Іосифъ, священникъ изъ Бет-Кетубы въ Адиабенѣ, и шестидесятилѣтній Анеаль, діакопъ изъ при-евфратской мѣстности въ Вавилоніи. Судья сказалъ имъ: „для чего прельщаете простыхъ людей гибельнымъ своимъ ученіемъ?“ На это отвѣтилъ Іосифъ: „мы не прелестники, а проповѣдники истиннаго ученія, отвращаемъ людей отъ боготворенія бездушныхъ идоловъ и приводимъ ихъ ко спасенію“. Судья сказалъ: „какое-жь посему богопочтеніе истинно? То-ли, котораго держатся царь, вельможи и богатые, или ваше, людей ничтожныхъ и бѣдныхъ?“ Іосифъ: „Богъ нашъ не нуждается въ высотѣ и величіи сего міра, посему многіе изъ насъ самоизвольно бывають нищими и смиренными, раздавши имѣніе убогимъ и ожидая прославленія въ другомъ мірѣ“. Судья, не совсѣмъ понявши смыслъ его словъ, сказалъ: „вы еще хвалитесь своею лѣнностію, бездѣльемъ и бѣдностію?“ Іосифъ: „вникни въ то, за что порицаешь насъ, какъ людей бесполезныхъ, и убѣдись, что приобретаемое трудами рукъ нашихъ почетіе твоего тунеядства и обогащенія посредствомъ грабежа; мы даемъ отъ своихъ трудовъ бѣднымъ, а ты похищаешь у бѣдныхъ“. Судья: „Богатство всѣмъ желательно и всякій любитъ его; кто-жь повѣритъ, будто вы его ненавидите?“ „Но мы“, отвѣчала Іосифъ, „считаемъ его переходящимъ и временнымъ, ни съ кѣмъ навсегда не пребывающимъ, потому и не желаемъ его; и съ тобою, который любишь его, оно не останется, какъ и ни съ кѣмъ изъ богачей и гордящихся имъ“. Судья, прервавъ бесѣду его, сдѣлалъ прямой вопросъ: поклонится-ли онъ солнцу, или вѣтъ? На отказъ Іосифа онъ велѣлъ десяти палачамъ, попеременно, бичевать его, такъ что плоть отъ костей отпадала,

но мученикъ благодарилъ Бога за то, что удостоилъ его кровавыми страданіями очиститься отъ грѣховъ своихъ. Полумертваго снесли его въ ту-же темницу, гдѣ находился и Акепсима.

Тогда обратился судія къ Аиеалу, діакону, съ вопросомъ: „а ты что скажешь? Исполнишь-ли царское повелѣніе? Повлочишься ли великому солнцу и вкусишь-ли крови жертвенной?“ Аиеалъ: „лучше мнѣ умереть, чтобъ вѣчно жить, нежели жить, чтобъ навѣки умереть. Ъшь кровь, песь кровожадный; молись солнцу, ослѣпленный въ сердцѣ твоемъ, потому что не видишь свѣтлаго Солнца, восходящаго надъ тварію и простирающаго лучи Свои на всѣ концы земли“. Судья сдержалъ свой гнѣвъ и съ притворнымъ сожалѣніемъ воскликнулъ: „о ты, поспѣшающій отъ жизни къ смерти! Кто-жь тебѣ повѣритъ и кого ты убѣдишь, кромѣ подобныхъ тебѣ глупцовъ, что жизнь должно ненавидѣть, а смерть любить?“ Аиеалъ: „Называй безумнымъ себя и глупыми приверженцевъ твоего ученія, потому что вы не знаете истины. Наше ученіе повелѣваетъ намъ любить ту жизнь, которую вы называете смертію, и ненавидѣть ту смерть, которую вы называете жизнію“. Тогда судья велѣлъ связать руки его между колѣнами и вложить дерево сквозъ связанныя руки, а шести палачамъ, по три съ каждой стороны, наступить на концы дерева. Отъ этой пытки составы вышли изъ своихъ связей, а затѣмъ еще исповѣдникъ былъ нещадно битъ палками шиповника; но онъ все терпѣлъ мужественно и сказалъ мучителю: „ты радуешься моимъ мукамъ, подобно псу или ворону, жаждущему крови; знай - же, нечестивецъ, что эти мученія ни во что я вѣбняю“. Судья отъ ярости скрипѣлъ зубами и приказывалъ сильнѣе бить, такъ что все тѣло представляло одинъ струпъ. Наконецъ полумертваго и отъ ранъ не могшаго ступить, Аиеала снесли въ тюрьму къ прежнимъ исповѣдникамъ.

Черезъ пять дней исповѣдники снова повлечены были на судъ, открытый правителемъ въ загородномъ саду своемъ, и когда открылись исполнить волю царскую, подвергнуты новымъ тяжкимъ пыткамъ отъ третьяго часа дня до шестого. Именно, повергли ихъ на землю, холщевыми веревками связали крѣпко руки, бедра и

голены, и вложенные подъ связки бичи медленно поворачивали, такъ что кости и составы трещали. Но мученики пребыли непоколебимыми въ святой вѣрѣ, отвѣчая на предложенія покориться царю: „мы уповаемъ на истиннаго Бога нашего, а волѣ царя не повинемся“. Въ темницу они были отнесены, какъ бездушныя тѣла, потому что замучены до безсознательности. Но и въ темницѣ запрещено было оказывать имъ какое-либо снисхожденіе или милосердіе, и допускать къ нимъ кого либо, подъ угрозой жестокаго наказанія. Не смотря на то, они не оставались безъ сердобольнаго призрѣнія; потому что другіе узники, съ позволенія стражей, выходили въ городъ и испрашивали для нихъ необходимыя пропитаніе. Въ такомъ несчастномъ положеніи пробыли они три года, терпя голодъ и жажду, страдая отъ ранъ и заключенія. Въ это время царь объѣзжалъ страну и находился близъ Арбелы, на одинъ день пути. Туда правитель отправилъ трехъ узниковъ для представленія главѣ маговъ, Адарсапору. Этотъ спросилъ ихъ: „христіане-ли вы?“ и получилъ въ отвѣтъ: „такъ точно; мы христіане, вѣруемъ и поклоняемся единому живому Богу“. Магъ, казалось, самъ пораженъ былъ жалкимъ видомъ ихъ и сказалъ: „видите, до чего довела васъ вѣра ваша? до какого состоянія, что отъ мукъ и продолжительнаго заключенія вы потеряли образъ живого челоуѣка и похожи на мертвецовъ? Поэтому совѣтую вамъ поклониться пресвѣтлому солнцу, а иначе погибнете лютою смертію“. Исповѣдники единогласно отвергли предложеніе мага и послѣ долгихъ убѣжденій и пререзаній магъ велѣлъ распростертаго Акесиму бичевать по спинѣ и по чреву дотолѣ, пока онъ не умолеъ, и за симъ мученику отсѣкли голову. Тѣло его, брошенное на сѣденіе псама, взяли тайно и похоронили христіане армянскіе, жившіе въ Арбелѣ, какъ заложники. Мученическая кончина Акесимы послѣдовала 10 октября.

По убіеніи его пресвитеръ Іосифъ такъ-же подвергнутъ бичеванію, между тѣмъ какъ глашатай кричалъ: „повинуйся волѣ царя и будешь живъ“. Но Іосифъ отвѣтствовалъ: „есть только одинъ Богъ, и кромѣ Его нѣтъ другаго, и есть только одна истинная вѣра, — наша“. Отъ тяжкаго бичеванія впалъ онъ въ

безчувствіе и едва дышалъ; посему былъ снесенъ обратно въ тюрьму.

Теперь магъ обратился къ Анеалу, и такъ какъ пытки уже казались недостигающими цѣли, обѣщаль ему почести и подарки за исполненіе царской воли. Но мужественный исповѣдникъ презрѣлъ все это, говоря: „удивляюсь слѣпотѣ твоей; если они, уже старцы, такъ мужественно пострадали въ надеждѣ вѣчной славы, то я, младшій годами и крѣпче тѣломъ, убоюсь-ли временныхъ мукъ и не захочу-ли съ ними стяжать неувадаемый вѣнецъ? Не боюсь смерти за Христа и не промѣняю своего благочестія на подарки и почести ваши“. Тогда мучитель отъ ярости измѣнился въ лицѣ и велѣлъ палачамъ бить его крѣпче, чѣмъ прежнихъ, по хребту и чреву. И начали бить святаго. Адарсапоръ - же говорилъ своимъ: „что это значить, что христіане небрегутъ о настоящей жизни и желаютъ смерти, словно какого благополучія?“ Тѣ отвѣчали: „отъ отцовъ своихъ держатся ученія, что есть другой міръ лучше этого; и они, вѣря тому, вераждать о семъ мірѣ, надѣются на лучшій и предпочитаютъ смерть“. Между тѣмъ святой отъ безчисленныхъ ранъ истекалъ кровію. Тогда какъ-бы изъ соболѣзнованія мучитель велѣлъ прекратить бичеваніе и сказалъ ему: „пскорись волѣ царской и будешь здоровъ; потому что наши врачи скоро вылѣчатъ тебя“, — но получилъ въ отвѣтъ: „еслибъ и однимъ словомъ ты исцѣлилъ меня, все-таки я не оставлю Бога, сотворившаго небо и землю, и не поклонюсь солнцу, которое Онъ сотворилъ на пользу людямъ“. И сказалъ судья: „это я сказалъ, испытывая тебя, потому что во всякомъ случаѣ тебѣ не вылѣчиться отъ такихъ извъ; но ты стань образцомъ для христіанъ, чтобъ они не противились царю и не презирали его сановниковъ“. Анеаль: „Всегда лживый, ты однако невольно высказалъ правду, что я служу для христіанъ образцомъ мужества. Многіе изъ вѣрныхъ, смотря на меня, какъ на образецъ, и вида мои страданія за Христа, поревнуютъ о Господѣ Богѣ и не устроятся мукъ за Него“. Тогда судья обратился къ правителю Адиабены и сказалъ ему: „восьми этихъ обоихъ христіанъ въ свой городъ для побіенія камнями отъ своихъ-же христіанъ; пусть хри-

христіанскіе учителя погибають отъ своихъ“. Посему были они привязаны къ вьючнымъ животнымъ, какъ снопы или бревна, потому что не могли ходить или сидѣть, и отправлены въ Арбелу. На пути-же, когда происходила остановка для отдыха, ихъ снимали и клали на землю, какъ мертвецовъ, потому что они не владѣли ни руками, ни ногами. И если кто изъ состраданія хотѣлъ подать имъ пищу, то своими руками влагалъ имъ пищу въ ротъ. Достигши Арбелы, они были снова заключены въ тюрьму и воспрещено было допускать къ нимъ христіанъ. Въ Арбелѣ находилась тогда богатая христіанка, по имени Яздциакта, оказывавшая помощь всѣмъ узникамъ за имя Христово и по возможности доставлявшая имъ пищу и одежду. Узнавъ, что Іосифъ и Анеалъ въ темницѣ, пришла туда съ слугами своими ночью и, утоливши стражей подарками, взяла полумертвыхъ мучениковъ на малое время въ свой домъ, омыла ихъ язвы, лобызала ихъ руки и плакала надъ ними. При заботливомъ уходѣ Іосифъ пришелъ въ себя и началъ говорить сердобольной женщиной: „милосердіе твое къ намъ благопріятно Богу и намъ, страдающимъ за имя Его; но горькое рыданіе по насъ несогласно съ истинною христіанскою надеждою и вѣрою нашею“. На что она отвѣчала: „плачу не о смерти вашей, а о теперешнемъ жалкомъ состояніи вашемъ“. Іосифъ, утѣшая ее словами Писанія Мѡ. VII, 14; X, 22. 2 Кор. XI, 25. Евр. XI, 37. 38, — заключилъ: „покажи себя вѣрующей христіанкою и радуйся, что за продолжительныя страданія послѣдуетъ тѣмъ большее воздаяніе и вѣнецъ славныя“. На разсвѣтѣ исповѣдники возвращены въ тюрьму, гдѣ и еще пробыли, въ лишенияхъ и скорбяхъ, шесть мѣсяцевъ, но уже поздоровѣли настолько, что могли стоять на ногахъ и немного ходить. Въ это время правитель Адіабены былъ смѣщенъ и на его мѣсто присланъ царемъ другой, по имени Заруспіатъ, человекъ жестокой и суровой. Новый правитель пошелъ въ храмъ солнца для молитвы и принесенія жертвы: тутъ извѣстился онъ, что есть два христіанина, осужденные на побіеніе камнями, но доселѣ не преданные казни въ ожиданіи выздоровленія и, можетъ быть, отреченія отъ своей вѣры. Судья тотчасъ велѣлъ ихъ представить себѣ, и когда на льсти-

выми обѣщаніями, ни угрозами не смогъ преклонить, велѣлъ сперва Іосифа повѣсить за ноги и бить нещадно воловьими жилами. Когда начались истязанія, нѣкоторые изъ маговъ подступали и шептали страдалцу: „если стыдишься явно идти въ храмъ Бога нашего, то мы сведемъ тебя и сдѣлаемъ это скрытно; обѣщай, и свободенъ будешь“. Но онъ въ слухъ всѣхъ отвѣчалъ: „отойдите отъ меня поклонники огня; поддерживайте пожирающее васъ пламя на собственную вашу погибель“. Около двухъ часовъ продолжалось бичеваніе, во время котораго судья не разъ пытался и еще убѣдить его; наконецъ онъ велѣлъ снова свести его въ тюрьму, потому что отъ возобновившихся язвъ и потери крови Іосифъ не могъ идти“.

Послѣ сего Аноаль былъ повѣшенъ и нещадно бить; но онъ громко кричалъ: „я христіанинъ, христіанинъ; слышите, я христіанинъ!“ Между тѣмъ представленъ былъ для допроса и истязаній нѣкто изъ манихейской секты, явно исповѣдавшій свою вѣру и укорявшій огнепоклонниковъ въ нечестіи. Судья не безъ расчета въ успѣхъ велѣлъ оставить Аноала и истязать манихея. Судья не ошибся; манихей скоро далъ обѣщаніе поклониться персидскимъ богамъ и тутъ-же задавилъ муравья, почитаемаго у манихеевъ существомъ разумнымъ. Тогда Аноаль сказалъ: „горе манихею! Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, уврѣпляющій насъ и содѣлывающій непоколебимыми въ благочестивой нашей вѣрѣ!“ Услышавъ это, судья снова приказалъ бить его шивонникомъ, и били его дотолѣ, пока не сочли умершимъ, а потому и сволокли въ сторону. Нѣкто изъ маговъ по состраданію прикрылъ обнаженное его тѣло своимъ плащомъ, но за то и самъ подвергся бичеванію. Аноала же, примѣтивши въ немъ дыханіе, за ноги сволокли въ тюрьму.

Черезъ пять дней правитель рѣшилъ казнить исповѣдниковъ, но и еще пытался отвлечь ихъ отъ христіанства. Каждому изъ нихъ дано было по сорока ударовъ, а когда и затѣмъ они оставались непоколебимыми въ своемъ исповѣданіи, то начаты приготовленія къ казни и согнаны христіане изъ Арбелы и окрестностей. Вырли яму за городомъ, въ которой помѣстили Іосифа до половины, и заставили христіанъ (до пятисотъ числомъ) побивать

камнями. И когда уже много камней было набросано вокругъ, такъ что только голова видѣлась, и мученикъ оставался живымъ, бѣго изъ знатныхъ персовъ велѣлъ своему слугѣ разломить голову большимъ камнемъ. Такъ скончался св. Иосифъ! А святой Анеаль отправленъ былъ на казнь въ другой городъ, населенный христіанами, и тамъ побить ими. Кончина обоихъ падаетъ на 381 годъ, въ которомъ умеръ и царь Сапоръ 2-й. Незадолго до смерти онъ, какъ дальше увидимъ, совсѣмъ отмѣнилъ дѣйствіе указа своего о преслѣдованіи христіанъ, который и до того былъ ослабляемъ и даже не принималъ на извѣстное время. Созоменъ, церковный историкъ, полагаетъ число всѣхъ пострадавшихъ въ его царствованіе до шестнадцати тысячъ (Ист. Церк. XI, 14). Но кромя страдальцевъ за вѣру, положившихъ жизнь свою, не мало христіанъ и выселились изъ отечества, спасаясь отъ гоненій бѣгствомъ. Не говоря о земляхъ римской имперіи, и страны къ востоку отъ Персіи служили имъ убѣжищемъ. Приводимъ интересное мѣсто изъ рѣчи главы маговъ въ Арменіи къ персидскимъ князьямъ 451 года, по случаю предположеннаго истребленія тамъ христіанства военною силою, въ успѣшности чего онъ сомнѣвался.

«Я слышалъ отъ отцовъ моихъ, что во время царя царей Сапора 2-го, когда эта (христіанская) вѣра начала распространяться въ персидскомъ государствѣ и отсюда далѣе къ востоку, наши начальнѣйшіе законоучители совѣтовали царю, предупреждая совершенное испроверженіе ученія маговъ въ этихъ странахъ, издать строгій указъ объ уничтоженіи христіанства во всѣхъ его владѣніяхъ. Но чѣмъ усиленіе были мѣры къ задержанію этой вѣры въ ся теченіи, тѣмъ успѣшнѣе она распространялась. Она прошла до страны кушановъ ¹⁾, оттуда на югъ и достигла Индовъ. И христіане, жившіе въ областяхъ Персіи, простирали свою смѣлость до того, что во всѣхъ городахъ строили церкви, великолѣпнѣе превосходившія царскіе дворцы. Они для прославленія своихъ церквей строили модельи, называемыя у нихъ гробами мучениковъ, и немало построили монастырей въ мѣстахъ обитаемыхъ и пустынныхъ. Намъ невѣдомо было, откуда они получаютъ пособіе, а между тѣмъ они множились числомъ и богатыли. Источникъ богатства ихъ былъ неизвѣстенъ намъ, но мы узнали

¹⁾ Кушаны или бѣлые гунны составляли государство на востокъ и югъ отъ Персіи; вѣнчшія владѣнія Бухары и Кабула—средоточіе ихъ могущества. Къ сѣверу власть ихъ простиралась до Аральскаго моря.

наконецъ, что весь міръ наклонялся къ ихъ ученію. И вотъ царь Сапоръ высказалъ строгость; онъ велѣлъ схватить множество христіанъ и при-суждалъ ихъ къ лютымъ казнямъ. Но ничто не помогало; число ихъ ни сколько не уменьшалось, и царь послѣ чрезмѣрныхъ трудовъ и жестокихъ припадковъ гнѣва, открылъ, что онъ ни въ чемъ не успѣлъ. Онъ заклю-чилъ всѣ церкви въ Персіи и велѣлъ наложить печати на дверяхъ ихъ, но они обратили въ церкви дома свои и совершали тамъ обряды свои. Даже болѣе; они утверждали, что сами они—наилучшіе храмы Спасителя, и что храмъ ихъ тѣла крѣпче зданій изъ глины и камня. Сѣпиры пала-чей притуплялись, а они не уставали подставлять свои шеи на казнь; сыщики утомлялись таскаться съ богатствами и сокровищами, заграбленными у христіанъ, а благосостояніе послѣднихъ возрастало со дня на день. Царь выходилъ изъ себя отъ раздраженія, палачи — отъ ярости, а хри-стіане спокойно, даже съ радостію, предавали себя на самыя страшныя муки, терпѣливо подвергались всякимъ лишеніямъ, утѣшали себя потерю своихъ имѣній и устремлялись на смерть, какъ овцы вечеромъ толпою тѣ-снятся къ воротамъ овчарни. Наконецъ утомленный царь велѣлъ прекра-тить преслѣдованіе, запретилъ магамъ преслѣдовать христіанъ и для всѣхъ народовъ своей имперіи провозгласилъ полную свободу совѣсти. Такимъ образомъ магъ, манихей, жидъ, христіанинъ и послѣдователи всѣхъ рели-гій, существовавшихъ въ царствѣ персидскомъ, имѣли свободу служить Богу по своимъ обычаямъ. Эта примирительная мѣра положила конецъ смутамъ и дала покой землѣ. Потому что когда въ Персіи происходили волненія, то онѣ отзывались и на западныхъ странахъ, и въ Аравіи, и въ Сиріи, и въ Дагистанѣ (у Каспійскаго моря). Все это мы знаемъ по пре-данію... (см. Elisée Vartabed Soulevement national de l'Arménie chrétienne au V siècle, pag. 69—71. Paris, 1844).

Въ годъ смерти царя Сапора архіепископомъ въ персидскихъ областяхъ былъ *Каиума*. Во дни его церковь наслаждалась ми-ромъ, какъ и при *Исаакъ* († около 410), преемникъ его. Хотя сказанія позднѣйшихъ ¹⁾ сирскихъ писателей о великомъ соборѣ Селевкійскомъ 411 года, и изданныя будто симъ соборомъ двад-

¹⁾ Собственно о существованіи этихъ сказаній свидѣтельствуеъ Ренодотъ въ изданной имъ книгѣ Liturgiarum orientalium collectio, говоря, что гнѣдль и списалъ ихъ въ флорентійской библиотекѣ Медичисовъ. Но Ассемани, взяв-мавши провѣрять свидѣтельство Ренодота, ничего подобнаго не нашелъ: Syriacos et Arabicos omnes ejusdem bibliothecae codices mihi nuper evolventi, videre tam pretiosum Ecclesiasticae antiquitatis monumentum non licuit.—Уже одно исловданіе вѣри съ римскою прибавкою объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына заставляеть предполагать подлогъ.

цать шесть правилъ церковныхъ не заслуживаютъ вѣроятія (см. Hefele, Conciliengeschichte 2, § 117), но несомнѣнно, что въ началѣ IV вѣка епископъ тагритскій (мартиропольскій, изъ римской Месопотаміи) Маруеа два раза былъ посломъ отъ римскаго императора Θεодосіа II къ персидскому царю Издегерду I (400—420) по дѣламъ государственнымъ, заслужилъ благосклонность послѣдняго и испросилъ у него позволеніе перенести въ свой каедральный городъ Тагрить многіе останки персидскихъ мучениковъ, отъ коихъ и самый Тагрить началъ быть извѣстнымъ подъ именемъ Мартирополя (города мучениковъ). О посольствѣ Маруеа говорятъ церковные греческіе историки Созоменъ (Церк. ист. VIII, 16) и Сократъ (Церк. ист. VI, 15), а о терпимости и нѣкоторой даже благосклонности Издегерда къ христіанамъ свидѣлствуютъ, кромѣ нихъ, и персидскіе историки, называя его *Алатимъ*, т. е. безбожникомъ, и говоря о ненависти къ нему маговъ и вельможъ, которые опасались перехода его въ другую вѣру (ср. Sylvestre de Sacy, Memoires sur diverses antiquités de la Perse, Paris, 1793, p. 321).

По всей вѣроятности эта-то благосклонность царя къ христіанамъ и послужила для *Авды*, епископа сузскаго, поводомъ къ проявленію несдержанной и невыразумленной ревности - по вѣрѣ. Въ 418 или 419 году онъ, можетъ быть преувеличивая благорасположенность царя и односторонне понимая состояніе дѣлъ государственныхъ, отважился въ Сузѣ сжечь Пирей, т. е. храмъ солнца. Такое оскорбленіе государственной господствующей вѣры не могло быть конечно одобрено государемъ, а въ магахъ и вельможахъ возбудило ненависть и фанатизмъ. Самому царю не оставалось ничего болѣе, какъ казнить Авду, потому что онъ съ твердостью отказался возобновить разрушенный храмъ. Авда казненъ и скончался какъ мученикъ (память его 31 марта), а что въ то же время по нѣкоторымъ мѣстамъ и церкви были разрушены, и нѣкоторые другіе христіане, какъ соучастники Авды, терпѣли гоненіе, легко объясняется взрывомъ народной ярости (см. Созом. Церк. ист. IX, 4) и раздраженіемъ маговъ. Самъ *Манессъ* былъ по царскому приказу заключенъ въ темницу, но вскорѣ освобожд-

день и дожилъ до воцаренія Варарана. Посему предполагаемъ, что Издегердъ лично не былъ гонителемъ, а дѣйствовалъ согласно съ общими государственными законами. Послѣдовавшее въ 420 году за смертію Издегера исключеніе его сыновей отъ наследованія престола могло еще усилить проявленія народныхъ вспышекъ противъ христіанъ. Во всякомъ случаѣ, хотъ указа о преслѣдованіи не было, христіане не были оставляемы въ покоѣ, а когда чрезъ годъ сыну Издегерда, Варарану, удалось овладѣть престоломъ, то и открытое гоненіе началось (съ 421 года), и впослѣдствіи христіане, бѣжавшіе въ предѣлы римской имперіи, не были выданы ею по требованію персидскаго царя.

При скудости извѣстій и отрывочности ихъ, можно только предполагать, что судъ и казни постигали особенно христіанъ-проповѣдниковъ и знатнаго рода, а прочіе обременялись налогами ¹⁾ и иными общественными стѣсненіями. Однимъ изъ первыхъ мучениковъ въ царствованіе Варарана былъ *Магаръ-Сапоръ*, человѣкъ знатнаго рода, уже три года томившійся въ тюрьмѣ, слѣд. заключенный еще въ 419 г., въ царствованіе Издегерда. Такъ какъ представленный наконецъ главѣ маговъ онъ мужественно пребылъ въ вѣрѣ своей, то и былъ осужденъ на голодную смерть. Его заключили въ пещеру, замуравленную отвсюду и обложенную кирпичемъ; только чрезъ два мѣсяца и десять дней (съ августа до половины октября) была открыта пещера и тѣло страдальца предано землѣ. Другіе два исповѣдника, *Нарсесъ* и *Сабукатъ*, столько-же лѣтъ терпѣвшіе заключеніе, были преданы смерти тѣмъ-же судьбою. Въ этомъ-же году случилась казнь еще одного мученика, столь страшная и ужасная, что не безъ основанія можно думать, она особенно рассчитана была на устрaшеніе христіанъ и можетъ быть преимущественно побудила ихъ выселяться въ земли римской имперіи. Этотъ мученикъ есть *св. Іаковъ Персянинъ*.

Іаковъ, уроженецъ Беть-Данета, главнаго города области гувитовъ, человѣкъ знатнаго рода, имѣлъ родителей христіанъ и

¹⁾ Подобнаго образа дѣйствій держалось персидское правительство и въ Арменіи, въ продолженіе великаго тамъ гнѣвнн 442 — 457 годѣвъ (см. *Élisée Soulevement national*, pag. 24).

любить себѣ жену, христіанку же. По званію, былъ начальникомъ
 царскаго двора и пользовался расположенностію царя Издегерда и
 преемника его, Варарана. Изъ любви къ царю и привязанности
 къ своему общественному положенію онъ не отказывался кланяться
 солнцу и по вѣншности казался усерднымъ огнепоклонникомъ. Его
 мать и жена, позднѣе узнавши о его отступничествѣ, выразили
 ему письменно свою скорбь и неудовольствіе о такомъ малодушіи.
 Письмо ихъ Іаковъ получалъ, когда находился съ царемъ внѣ го-
 рода, въ лагерѣ. Тронутый увѣщаніями, онъ уединялся въ своей
 палаткѣ, читалъ св. Писаніе и слезно молился Богу. Перемѣна въ
 поведеніи сановника не укрылась отъ вниманія придворныхъ и они
 довели обо всемъ царю. Вараранъ немедленно позвалъ его и встрѣ-
 тилъ его словами: „скажи мнѣ правду, назарянинъ-ли ты?“ Іаковъ
 подтвердилъ, и когда царь еще спросилъ: „такъ ты не былъ ма-
 говъ?“ — сказалъ: „нѣтъ“. Царь: „но не потому-ли, что былъ ма-
 говъ, ты былъ въ чести у меня и отца моего?“ Іаковъ: „а гдѣ
 теперь отецъ твой? Тѣломъ истлѣваетъ въ гробѣ, а душа его
 ввержена въ адъ“. Разгнѣванный царь вскричалъ: „такъ-ли бла-
 годаришь за любовь мою, что и мнѣ противишься, и отца моего
 алосоливишь? Знай-же, что умрешь не просто отъ меча, если не
 веротишься съ пути, на который вступилъ“ и представилъ на видъ
 прежнихъ исповѣдниковъ христіанства: „и во время отцовъ моихъ
 приверженцы твоей вѣры были схватываемы и подвергались изм-
 сканнымъ мукамъ за ослушаніе волъ царской“. Іаковъ отвѣтилъ,
 что онъ желаетъ умереть подобно имъ и готовъ пострадать за
 истину. Тогда царь созвалъ вельможъ своихъ и спрашивалъ мнѣ-
 нія ихъ о родѣ казни для отступника отъ вѣры маговъ. Изъ
 числа приглашенныхъ одинъ объявилъ, что Іаковъ долженъ быть
 подвергнутъ десятикратной смерти такимъ образомъ. Растянувши
 его за руки и за ноги, у него будутъ отрѣзывать по одному
 десять пальцевъ на рукахъ и десять на ногахъ, и при всякомъ
 отрѣзѣ требовать отреченія отъ христіанства. Если и затѣмъ оста-
 нется непреклоннымъ, то подобнымъ-же образомъ расчленивъ руки
 и ноги, потомъ верхнія части рукъ и бедра отдѣлать отъ тѣла;
 а если и еще не уступитъ, тогда уже и голову отсѣчь. Мнѣніе

этого изувѣра одобрено и принято. Такова повели на мѣсто казни, и мученикъ съ необыкновенною твердостью перенесъ самыя тяжкія страданія; онъ былъ разрѣзанъ по составамъ и наконецъ обезглавленъ. Память его 27 ноября.

Изъ другихъ мучениковъ въ правленіе Издегерда и Варарана церковный историкъ Феодоритъ сохранилъ память о немногихъ, оговариваясь: „напомню о двухъ или трехъ, чтобы на ихъ примѣръ показать мужество и другихъ“. Таковъ *Гормизда*, потомокъ древняго персидскаго царскаго рода Ахеменидовъ. Обвиненный предъ Издегердомъ какъ христіанинъ, онъ понуждаемъ былъ къ отреченію отъ вѣры. Гормизда отвѣчалъ, что кто отступаетъ отъ истиннаго Бога, тотъ не можетъ оставаться и добрымъ подданнымъ царя земнаго; и если неуважающій царя земного повиненъ смерти, то какому страшному наказанію подвергаетъ себя отрекающійся отъ Бога, Творца міра? Царь лишилъ его имѣнія и достоинства, и приказалъ ему, обнаженному и только препоясанному, водить верблюдовъ при войскѣ. Чрезъ нѣсколько времени, увидя его на солнечномъ жару и въ пыли, и вспомянувъ знаменитость его отца, призвалъ его и приказалъ ему надѣть небольшой, сдѣланный изъ льна, хитонъ. И подумавъ, что отъ понесеннаго уже униженія и отъ оказаннаго ему человеколюбія сердце его смягчилось, сказалъ: „хоть теперь наконецъ оставь свое упрямство и отрекись отъ Сына плотникова“. Но тотъ, исполнявшій ревности по Богѣ, раздралъ хитонъ и бросилъ его съ словами: „если думаешь этимъ отклонить меня отъ благочестія, то возьми назадъ свой подарокъ и храни его вмѣстѣ съ твоимъ нечестіемъ“. И не смотря на это царь не казнилъ его, а только велѣлъ выслать изъ предѣловъ государства. Подобно поступилъ царь Издегердъ и съ *Сункомъ*, богатымъ землевладѣльцемъ, имѣвшимъ тысячу рабовъ. Поскольку Сункъ не захотѣлъ отступить отъ христіанской вѣры, то царь отдалъ все его имущество послѣднему изъ рабовъ его, возвышенному въ благородное званіе, самого Сунка отдалъ ему въ рабство и жену его. Такое сравнительно легкое наказаніе показываетъ умѣренность Издегерда. Третій примѣръ исповѣдничества представляетъ Феодоритъ въ діаконѣ Веніаминѣ.

Обвиненный магами въ распространеніи христіанской вѣры, Веніаминъ былъ брошенъ въ темницу дней чрезъ тридцать послѣ мученической кончины Авды 418 года. Прошло два года, и случившійся въ Персіи посолъ римскаго императора, узнавъ о заключеннои, просилъ, отъ себя лично, освободить его. Царь исполнилъ просьбу; но при освобожденіи Веніамину подтверждено было запрещеніе распространять христіанство между персами. Но такъ какъ онъ продолжалъ слѣдовать внутреннему своему призванію и проповѣдывалъ истину огнепоклонникамъ, то чрезъ годъ, когда узналъ объ этомъ царь Вараранъ, былъ преданъ суду, какъ возмутитель и врагъ государства, и отъ него потребовали полного отроченія отъ христіанской вѣры. Веніаминъ неустрашимо обличилъ нечестіе царя и, исколотый острыми тростникомъ, скончался мученически. Память его 13 окт. и 31 марта (См. *Феод рима* Црк. ист. V, 39). Подобныхъ сямъ истязаній совершенно нечестивыми безчисленное множество. прибавляетъ Феодоритъ; замѣчаніе его относится уже къ царствованію Варарана и къ злодѣйствамъ не лично царя, а фанатиковъ старой религіи персидской.

Многіе христіане изъ Персіи бѣжали въ римскія земли и доходили до Константинополя. гдѣ епископъ Ативъ и царь Феодосій оказали имъ вниманіе и пособіе. Вараранъ скоро отправилъ туда своихъ пословъ съ требованіемъ выдать бѣглецовъ, и, получивши отказъ, объявилъ римлянамъ войну, которая съ перемѣннымъ счастіемъ продолжалась два года и закончилась въ 424 году страшнымъ пораженіемъ персидскаго войска. Это повело къ заключенію мира, съ чѣмъ вмѣстѣ прекратилось и гоненіе на христіанъ (*Скрата* Ист. VII, 18). Къ смягченію поведенія персидскаго царя относительно христіанъ служилъ и происшедшій предъ концомъ войны замѣчательный поступокъ благочестиваго Авакія, епископа амидскаго, въ рим. Месопотаміи. На походѣ въ область Арзасину (между озеромъ Ванъ и подходящею къ нему частью Тигра) римляне взяли множество плѣнныхъ (до семи тысячъ), которыхъ не хотѣли возвращать безъ выкупа. Положеніе плѣнныхъ со дня на день ухудшалось, такъ какъ правительство не заботилось о пропитаніи ихъ, потому что считало ихъ добычею

взявшихъ въ плѣнь, и содержаніе ихъ затѣмъ зависѣло отъ благотворительности частныхъ лицъ. Узнавъ объ этомъ Акакій, епископъ амидскій (Амида, нын. Діарбекиръ), и позаботился объ освобожденіи плѣнниковъ. Церковь его богата была золотыми и серебряными сосудами, и онъ сказалъ своему клиру: „Богъ нашъ не имѣетъ нужды въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ и блюдахъ, такъ какъ Онъ ни ѣсть, ни пьетъ. А какъ церковь наша имѣетъ теперь много такихъ сосудовъ, благодаря щедрости христіолюбцевъ, то весьма богоугодное дѣло—черезъ продажу ихъ выкупить плѣнныхъ и доставить имъ пропитаніе“. Предположеніе епископа было одобрено, сосуды переплавлены и получилась сумма, достаточная не только на выкупъ, но и на снабженіе плѣнныхъ необходимыми деньгами для пропитанія въ продолженіе обратнаго пути въ Персію. Человѣколюбивый поступокъ возбудилъ въ царѣ удивленіе и желаніе лично видѣть епископа амидскаго, на что и римскій императоръ далъ свое согласіе. Что открытое гоненіе на христіанъ дѣйствительно прекратилось въ Персіи, находимъ свидѣтельство и въ твореніи блаженнаго Августина „О градѣ Божіемъ“, писанномъ около 428 или 429 года. Тутъ (кн. 18, гл. 52) читаемъ: „а что сказать о Персіи? Не свирѣпствовало-ли такое гоненіе на христіанъ (хотя уже остановилось), что нѣкоторые бѣжавшіе оттуда искали убѣжища въ римскихъ городахъ?“

Архіепископъ селевкійскій *Маанесъ* (Maanes, Магна) умеръ около 430 года, и о преемникѣ его, *Марабустѣ*, говорится (Le Quien Oriens Christ. tom. II), что онъ достигъ каѳедры уплатою знатной суммы денегъ царю Варарану и обѣщаніемъ соединиться съ магами. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда узнали объ этомъ епископы, Марабустъ былъ низложенъ ими, при содѣйствіи персидскихъ вельможъ, и достоинство католикаса предоставлено *Дадіезусу*. Хотя скоро по возведеніи на каѳедру былъ онъ стараніемъ нѣкоторыхъ низложенныхъ имъ за святотуство епископовъ заключенъ въ тюрьму, но выпущенъ и возстановленъ въ своемъ санѣ по ходатайству посла императора Феодосія. Что и въ это время архіепископы персидскіе еще не были самовластными (автокефальными) архіепископами, а состояли въ нѣкоторой зависимости

отъ патріарховъ антиохійскихъ, видимъ изъ письма Іоанна антиохійскаго и шести другихъ епископовъ того округа (въ іюль 431 года) къ имп. Θεодосію съ протестаціею противъ опредѣленій собора Ефесскаго. Въ письмѣ говорится: „Теперь умоляемъ приложить заботливость о первоначальной чистотѣ вѣры и чтобы символъ православной вѣры, составленный при святомъ Константинѣ и подтвержденный блаженными дѣдомъ и отцомъ твоего благочестія, а изъ твоей имперіи перешедшій и къ другимъ варварскимъ народамъ и укоренившійся въ царствѣ персовъ, не подвергался опасности въ самыхъ палатахъ императорскихъ и въ вашемъ присутствіи не былъ извращенъ. Потому что ты, императоръ, не отправишь-же двоякое вѣроученіе христіанства въ Персію, и наша вѣра не за великое будетъ почитаться ими, когда при разногласіи нашемъ не найдется никакого судіи“.

Дадіезусъ управлялъ церковію тридцать одинъ годъ, и христіане персидскіе за это время не терпѣли гоненій, хотя старанія персидскаго правительства (съ 442 года), въ царствованіе Издегерда 2-го, преемника Вараранова, утвердить огнепоклонничество въ Арменіи и истребить вліятельнѣйшихъ тамъ христіанъ изъ мірскаго и духовнаго сословія естественно держали въ безпокойномъ состояніи и персидскихъ собственно христіанъ. Преемникомъ Дадіезусу былъ *Бабуэй 1-й*, начальное образованіе получившій въ школь маговъ и уже въ юношескомъ возрастѣ сдѣлавшійся христіаниномъ. Во дни его несторіанская ересь проникла въ Персію и приобрѣла приверженцевъ въ средѣ духовенства. Главнѣйшимъ поборникомъ ея былъ изгнанный епископомъ едесскимъ Гавулою (412—435) священникъ Варсума, бѣжавшій въ Персію и тутъ съ 435 года занявшій кафедру низибскую. Варсума къ ереси въ вѣроученіи присоединялъ и извращеніе правилъ церковныхъ, самъ женился на монахинѣ и на своемъ мѣстномъ соборѣ издалъ опредѣленіе, коимъ позволялись браки для епископовъ, священниковъ и монаховъ, если они не могли воздерживаться. Бабуэй посмотрѣлъ на это безъ негодованія и какъ-бы согласился съ новыми законодателями, но когда самъ былъ за небрежность или потворство отлученъ отъ церковнаго общенія антиохійскимъ патріархомъ, то въ

485 году созвалъ соборъ въ Селевкии, на которомъ воспретилъ помянутые брачныя союзы и изрекъ отлученіе Варсумъ (Aasem. Bibl. Or. III, pars II). Извѣстіе о своемъ соборѣ послалъ онъ чрезъ двухъ монаховъ въ Антиохію, помѣстивъ тамъ въ свое оправданіе, между прочимъ, что живетъ „подъ нечестивымъ владычествомъ персовъ“. Когда монахи шли чрезъ Низибъ, Варсуна убѣдилъ ихъ отдать письма себѣ для дальнѣйшей пересылки и, узнавши содержаніе, обнесъ архіепископа предъ царемъ Ферозомъ, какъ врага персидской власти и приверженца римской имперіи. Посему онъ былъ привязанъ за руки къ столбу и забичеванъ до смерти (въ 486 году), а Варсуна получилъ дозволеніе наказывать тѣхъ, кои *держатся римской вѣры*, и сирскіе писатели передаютъ, что отъ нашествій его въ областяхъ Бетгармы и Нугармы погибло до семи тысячъ семи сотъ душъ, въ томъ числѣ епископъ ниневійскій и двѣнадцать монаховъ одного монастыря близъ Селевкіи.

На архіепископскую кафедру возведенъ родственникъ и воспитанникъ Бабузя по Едессѣ, *Акакій*, послѣдній православный архіепископъ. Скоро по избраніи былъ онъ заключенъ въ тюрьму по обвиненіямъ со стороны маговъ и Варсумы. Находилось-ли это въ связи съ закрытіемъ по распоряженію императора Зенона (489 года) школы едесской несторіанской—откуда всѣ учителя и ученики укрылись въ Персіи и положили основаніе школѣ низибской,—или иначе какъ, только несторіанство стало рѣшительно преобладать въ духовенствѣ, и самъ Акакій вѣроятно испыталъ бы участь своего предшественника, еслибы онъ не оказалъ пужнымъ царю Ферозу для посольства къ римскому императору. Хотя и говорятъ объ немъ, что по настоянію Варсумы онъ наконецъ присоединился къ несторіанамъ, но если это и правда, все-таки вынужденное согласіе оказалось недѣйствительнымъ. Акакій, бывши у императора, оправдывался въ потворствѣ еретикамъ и далъ ему обѣщаніе тотчасъ по возвращеніи изложить Варсуму. Возвратясь изъ Константинополя, Акакій не засталъ Варсуму въ живыхъ, но уже не могъ съ успѣхомъ противодействовать распространенію несторіанства, какъ безуспѣшно-же ратовали за истину и нѣкоторые современ-

ные ему епископы—именно *Панъ*, еп. бетлапетскій, *Ксеная* тагальскій, *Адей* и другіе (см. *Assem. Biblioth. Or. I, 350—352*). Перевѣсъ несторіанъ дѣлался все ощутительнѣе, конечно при открытой поддержкѣ персидскаго правительства; потому что если *Палашъ*, преемникъ *Фероза*, царствовавшій съ 488 по 491 годъ, и *Кавадъ*, сынъ и преемникъ *Палаша*, называются врагами христіанъ у одного арабскаго писателя (см. *Ukman Christenvertolgungen in Persien, seit. 159*), то это нужно разумѣть относительно христіанъ православныхъ. Впрочемъ о *Кавадѣ*—дальше.

Съ кончиною *Акакія* въ 498 г. достоинство первенствующаго епископа персидскихъ христіанъ досталось несторіанину *Бабуэ 2-му*, человѣку женатому и малограмотному. При немъ въ 499 году состоялся соборъ въ Селевкіи-Ктезифонѣ, гдѣ опредѣлено совершенное отдѣленіе отъ антиохійскаго патріарха, архіепископу усвоено названіе католикоса, и вновь подтверждено ранѣе сего проводимое бѣглецами изъ Едессы позволеніе всѣмъ духовнымъ, епископамъ и монахамъ, жить въ брачномъ состояніи (*Assem. Bibl. Or. tom. III, p. 1. pag. 429*)—что опять воспрещено было уже при четвертомъ преемникѣ его, въ 540 году.

Но не всѣ персидскіе христіане перешли въ ересь; для оставшихся православными антиохійскіе патріархи ставили особыхъ католикосовъ, о которыхъ впрочемъ, какъ и вообще о православной церкви въ Персіи, сохранились отрывочныя только и скудныя извѣстія. И первый, извѣстный намъ, представитель православныхъ христіанъ въ Персіи есть *Симеонъ*, епископъ бетарсамскій (510—525), въ древнихъ актахъ св. Арсена мученика называемый „апокрисіаріемъ православныхъ христіанъ Персіи“ (*Acta ss. Octobris tom. 10*). О немъ говорится (*Assem. Bibliotheca Orient. I, 341*), что нѣкогда онъ просвѣтилъ святою вѣрою и крестилъ трехъ знатныхъ персовъ изъ секты маговъ; когда сверстники ихъ узнали о томъ и донесли царю, царь велѣлъ казнить ихъ, если не отречутся христіанства. Но они, ободряемые блаженнымъ *Симеономъ*, дали рѣшительный отвѣтъ: „не отступимъ отъ живаго Бога и не станемъ вмѣсто Его поклоняться созданіямъ Его“. Посему на десятый день послѣ крещенія своего и были

обезглавлены. Памятникомъ ревности Симеона по православной вѣрѣ служатъ два извѣстныхъ нынѣ письменныя произведенія его. Именно, письмо къ нѣкоему о Варсумѣ, епископѣ низибскомѣ, и о ереси несторіанъ, и письмо къ Симеону, архимандриту иевульскому (на Диваѣ) о мученикахъ гомеритскихъ. Въ первомъ говорятъ, что подобно евреямъ, современникамъ земной жизни Господа Іисуса Христа, Симону магу, Евіону, Артемону и другимъ еретикамъ, Несторій признавалъ Іисуса Христа обыкновеннымъ человекомъ, его лжеученіе нашло поборниковъ въ Теодоритѣ, затѣмъ въ Ивѣ едесскомѣ, а чрезъ Иву въ Марисѣ, епископѣ гардаширокомѣ (нын. Фирузъ-Абадъ), и отсюда начало въ Персіи распространяться несторіанство чрезъ письма Ивы, переводы словъ и толкованій Теодора мопсуетскаго, Несторія и другихъ. Особенно же дѣйствовали не только словомъ и писаніями, сколько клеветами предъ персидскимъ правительствомъ и насиліями Варсума низибскій и воспитанники едесской школы, по закрытіи ея удалившіеся въ Персію и здѣсь епископствовавшіе; вмѣсто едесской, образовали они школу въ Низибѣ, которая сдѣлалась рассадникомъ нечестія. Письмо оканчивается анагемою всѣмъ, кто не признаетъ Маріи Дѣвы Богородицею (A s s e m. Bibl. Ot. I, 350—358). Письмо о мученикахъ гомеритскихъ такого содержанія: „извѣщаемъ любви твоей, что въ двадцатый день втораго кануна (т. е. генвара) настоящаго 835 года (по нашему 524) мы изъ Ирты Наамановой вышли вмѣстѣ съ пресвитеромъ Авраамомъ, сыномъ Евфразія, который отъ Іустина императора посланъ былъ къ Мондеру, царю арабскому, для заключенія мира, какъ мы писали въ прежнемъ письмѣ (*не дошедшемъ до насъ*), и благодарили его какъ мы, такъ и всѣ вѣрные за то, что поддерживаетъ нашу сторону (*partes nostras fovet*). Идя пустынею десять дней и направляясь къ юговостоку, мы пришли къ Мондеру насупротивъ горъ, называемыхъ Пески, по-арабски Рамде. Въ лагерѣ Мондера встрѣтили насъ арабы язычники маадецы и говорили: что вамъ остается дѣлать, когда Христа вашего изгнали изъ предѣловъ римскихъ, персидскихъ и гомеритскихъ? Мы таяли отъ сильной скорби, особенно потому, что близъ насъ находился и посоль отъ

гомеритскаго царя Дгу-Новаса къ царю Мондеру, представившій исполненное высококѣрія письмо такого содержанія: знай, братъ мой царь Мондеръ, что поставленный еіюпами падыя страню нашею царь умеръ. И какъ по случаю наступленія зимы еіюпы не могли прибыть сюда для поставленія царя по обычаю, то я овладѣлъ всѣмъ царствомъ гомеритскимъ — и затѣмъ упомянувши объ избіеніи христіанъ, предлагаетъ истребить христіанъ и въ своей земль. Когда прочитано было письмо гомеритскаго царя, Мондеръ обратился къ христіанскимъ воинамъ своимъ, коихъ много имѣлъ. подъ знаменами (quos sub signis habebat plures), и сказалъ: слышали, что опредѣлено и какъ поступлено съ людьми вашей вѣры? Отъ чего-бы вамъ теперь не отречься отъ вѣры во Христа? Я самъ не лучше царей, которые считаютъ христіанъ заслуживающими изгнанія. На это одинъ воинъ отвѣчалъ: царь! не за твое время мы христіане появились, чтобы теперь отречься Христа. Мондеръ, нѣсколько раздраженный, вскричалъ: въ моемъ ли присутствіи осмѣливаешься говорить такъ? Воинъ: говоря о благочестіи, не страшусь никого. Царь смягчился, потому что воинъ былъ заслуженный и знатнаго рода "... Передавши за симъ вѣсти о мученической смерти Арсеы и другихъ въ странѣ гомеритской, Симеонъ проситъ гевульскаго архимандрита поминать страдальцевъ въ молитвахъ, извѣстить о томъ епископовъ, особенно александрійскаго, чтобы побудилъ царя еіюпскаго вступиться за гонимыхъ, и проситъ первосвященниковъ іудейскихъ въ Тиверіадѣ написать Дгу-Новасу, чтобы прекратилъ гоненіе.

Для поясненія содержанія письма Симеонова и вѣстѣ положенія православныхъ въ Персіи за то время не лишнимъ будетъ привести относящееся къ тому же предмету мѣсто изъ актовъ св. Арсеы, помѣщенныхъ въ 10 томѣ Acta ss. за октябрь. „Дгу-Новасъ пишетъ къ царю персидскому (*Кобаду*, 487—531), со-вѣтуя ему избять всѣхъ христіанъ, тамъ находящихся... Отправилъ пословъ и къ Аламундару, царьку всѣхъ сарацынъ, персидскихъ подданныхъ, извѣщая его о своихъ дѣйствіяхъ противъ христіанъ и возбуждая его къ тому-же. Обѣщалъ ему прислать три тысячи динаріевъ, если только воздвигнетъ гоненіе на под-

властныхъ себѣ христіанъ. Но дивный во святыхъ своихъ Царь всѣхъ вѣковъ, выну имѣющій предъ очами честную смерть преподобныхъ своихъ, внушилъ благочестивѣйшему Густину, тогдашнему римскому императору, послать Аврамія, благоговѣйнаго и боголюбиваго пресвитера, къ самому Аламундару, прозываемому Сакика, и просить его обѣщать миръ христіанамъ, находящимся въ его владѣніяхъ. И когда Аламундаръ читалъ грамоту мерзкаго царя въ присутствіи боголюбивѣйшаго Аврамія и присланныхъ изъ Персіи отъ царя персидскаго Симеонія пресвитера и апокрисиарія православныхъ христіанъ Персіи, и иподіакона Іоанпа, прозваніемъ Мандина, а также комита Аггея, сына Зета, народоначальника всего христіанскаго кочевья (*въ Палестинѣ*), то прибылъ по тому-же дѣлу и Сила, епископъ персидскихъ несторіанъ, со многими другими, чтобъ позлорѣчить и противостоятъ православнымъ римлянамъ и персамъ, желая при этомъ угодить язычникамъ и іудеямъ. И говорили они: „просимъ твое царское величество содѣйствовать брату твоему, царю гомеритскому; потому что и мы—персы, и знаешь, что императоръ римскій и его священники теперь признаютъ, что распятъ былъ человекъ, а не Богъ. И мы, наученные вдохновенными писаніями Несторія патриарха, думаемъ и разумѣемъ, что распятый былъ человекъ могущественный, но не Богъ.“ И насмѣхаясь, говорили предъ людьми, преданными идоламъ: „Богъ ли тотъ, кто рождается отъ жены или отъ кровей ея, повивается пеленами, алчетъ, опасается, утомляется, умираетъ, какъ сумазбродствуютъ сіи Аггей, Аврамій, Исакій и Іоанвъ, и съ ними заодно стоящіе римляне и персы? Пусть молчатъ; не бывало Бога умирающаго“. Тогда Аврамій боголюбивѣйшій и бывшіе съ нимъ римляне и персы православные, раздравши ризы свои и посыпавши землею головы свои, воскликнули: „Не такъ! Вѣра римлянъ основана на преданіи апостоловъ и соборовъ, которые научаютъ насъ тайнѣ домостроительства (воплощенія) божественнаго, что, то есть, Богъ Слово, вселившись въ утробу непорочныя Богородицы, отъ самаго зачатія соединилъ съ Собою тѣло и душу и сдѣлался совершеннымъ человекомъ, единоличнымъ и подобнымъ намъ во всея, кромѣ грѣха. И страданіе поставляемъ въ плоти

Его, а въ божествѣ Его исповѣдуемъ власть. А это—несторіане, съ своимъ мечестивымъ учителемъ отлученные отъ святой и каеолической церкви. Анаематствованные, они ходять съ мѣста на мѣсто, желая уловлять души простѣйшихъ“. Тогда рабы Божіи, заключивши мирный договоръ съ Аламундаромъ, возвратились и о содержаніи писемъ царя гомеритскаго, какъ и о дѣлахъ его, довели до свѣденія раба Божія Густина, императора римскаго.

Изъ приведенныхъ мѣстъ открывается, между прочимъ, что оставшіеся въ Персіи православные пользовались по прежнему покровительствомъ римской имперіи и имѣли своего представителя, названнаго тутъ апокрисиаріемъ (въ послѣдующее время извѣстнаго подъ именемъ католикоса); что, далѣе, гоненіе отъ гомеритскаго царя касалось только христіанъ православныхъ и что при этомъ несторіанскій католикосъ обнаружилъ недостойное христіанскаго имени потворство гонителю и недоброжелательство къ православнымъ. Напротивъ, сирскіе православные, римскіе и персидскіе подданные, принимали искреннее участіе въ судьбѣ гомеритскихъ христіанъ и до насъ дошло отъ 519 или 520 года утѣшительное посланіе Іакова Саругскаго, епископа Ватны (верстахъ въ пятнадцать отъ Едессы), къ христіанамъ негранскимъ, терпѣвшимъ насиліе отъ царя еврея (см. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1877, Heft 2—3, seit. 360—395. О православии сего Іакова — свидѣтельство въ *Cotelarii Monumenta Ecclesiae Graecae*, tom. 3, pag. 396, именно свидѣтельство Тимоѳея, конст. пресвитера, бывшаго послѣ патриархомъ).

Послѣ сего встрѣчаемъ извѣстіе въ „Сирской хроникѣ“ Варъ—Еврея, что во время спора за титулъ и власть католикоса между двумя несторіанскими епископами, Елисеемъ, утвердившимся въ Селевкіи, и Нарсесомъ—въ Ктезифонѣ (524—539), Симеонъ бетарсамскій, рѣшившись искоренить несторіанское лжеученіе, письменно просилъ всѣхъ армянъ, грековъ и сиріянъ, персидскихъ подданныхъ, оставить несторіанство и не прилагаться къ ереси. Письменное это заявленіе представилъ онъ и царю Коваду, который, приложивши къ нему свою печать, съ своей стороны такимъ образомъ изъявлялъ согласіе на то. Вѣроятно, это находилось въ свя-

зи съ внутренними нестроениями персидскаго государства, когда противъ Ковада составлялись заговоры; несторіане все-таки были новые вѣроучители, а тогда нововводители изъ секты манихеевъ производили много смуть; Ковадъ могъ желать поддержанія стараго порядка вещей тѣмъ болѣе, что новая несторіанская іерархія и нравственными качествами не внушала къ себѣ уваженія. Если и изъ этого уже видно нѣкоторое покровительство царской власти православнымъ и даже предпочтеніе ихъ несторіанамъ, то и преемникъ Ковада, Хозрой Нупирванъ (531 -- 579), не менѣе благоволилъ къ нимъ и даже, узнавъ, что несторіанскій католикосъ, Аба 1-й (536—548), нѣкогда принадлежалъ къ сословію маговъ, требовалъ отъ него или возвратиться къ старой вѣрѣ или сдѣлаться православнымъ христіаниномъ, но въ несторіанствѣ не оставался. Католикосъ не внялъ требованію и былъ сосланъ въ Азербейджанъ: оттуда самовольно воротился въ Селевкію, за что попалъ въ тюрьму и умеръ тамъ. Поступокъ Хозроя можно объяснить и тѣмъ, что во время непрерывныхъ почти вторженій въ римскія владѣнія онъ выводилъ оттуда много плѣнныхъ для поселенія въ Персію и такимъ образомъ считалъ дѣломъ благодарнымъ пріобрѣтать довѣріе и признательность своихъ новыхъ подданныхъ. А что въ царствованіе сего-же Хозроя страдали за вѣру св. мученицы *Сира* († 558) и *Галиндуха* (начало исповѣдничества отн. къ 560 годамъ), это не находится въ противорѣчій съ упомянутою расположенностію его къ православнымъ христіанамъ. При терпимости относительно христіанъ онъ оставался оберегателемъ отечественной религіи, наслѣдія предковъ, и не оставлялъ безъ наказанія порицателей государственной вѣры, отступниковъ отъ нея.

Сира была родомъ изъ Кархъ-Селевкіи въ Елимандѣ (нын. Абизардъ), дочь одного изъ начальнѣйшихъ маговъ. Желая предохранить ее отъ знакомства и дружбы съ христіанскими дѣвками, отецъ еще въ очень ранней юности отправилъ ее въ городъ Фарсъ для воспитанія и подготовленія въ жрицы въ капищѣ огня. Достигши-же совершеннаго возраста, возвратилась въ домъ родительскій и поступила въ число жрицъ. Скоро познакомилась съ нѣ-

которыми нищими христіанками, а чрезъ нихъ и съ ученіемъ христіанскимъ, обсуждала великое различіе между вѣрою маговъ и вѣрою христіанъ, познала лучшее и рѣшилась присоединиться къ истинному благочестію. Желая ближе ознакомиться съ христіанскимъ ученіемъ, тайно посѣщала церковь, слупала чтеніе и пѣніе и положила начало новой жизни постами и молитвами. Не укрылось это отъ домашнихъ, братьевъ и сестеръ, и просили они мачиху свою убѣдить Сиру не отступать отъ вѣры предковъ, чтобы не нанести безчестія всему роду ихъ и не навлечь гнѣва царскаго. Мяхиха воедино открыла дѣвицѣ, будто и она тайная христіанка, и совѣтовала ей чтить Христа втайнѣ, а явно служить богамъ, чтобы не дать о себѣ подозрѣнія и не подвергнуться бичеваніямъ, терзаніямъ, жженіямъ и прочимъ мукамъ; потому что опасно, говорила, какъ-бы, не стерпѣвши мукъ, она и явно не отверглась Христа и не совершила грѣха непростительнаго. Сими и подобными словами удалось ей преклонить Сиру на малое время, но затѣмъ скоро послѣдняя, повинувшись внутреннему званію, отправилась рано въ церковь и просила епископа Іоанна сподобить ее святаго крещенія. — Этотъ Іоаннъ есть второй, павѣстный (послѣ Симеона) представитель православной церкви въ Персіи. — Епископъ возрадовался духомъ объ ищущей крещенія, но, разсудивъ обстоятельства времени, не сподобилъ ее крещенія. Ибо зналъ, что она — знатнаго рода, а ненависть маговъ къ христіанамъ была очевидна для всѣхъ; онъ боялся раздражить ихъ и дать поводъ къ общему преслѣдованію христіанъ. Частію-же и о самой дѣвицѣ сомнѣвался епископъ и совѣтовалъ ей прежде исповѣдать Христа предъ отцомъ своимъ, братьями, сродниками и всѣми домашними; и если сможетъ претерпѣть ожидающія ее истязанія, то пусть и пребываетъ въ добромъ исповѣданіи, и тогда сподобится святаго крещенія. Такъ совѣтовалъ ей епископъ и отпустилъ съ миромъ. Чрезъ день, когда равнымъ утромъ надлежало ей совершить въ домѣ своемъ утреннюю жертву богамъ, она сокрушила орудія жертвенныя и плюнула на огонь, восклицая: „плюю на ложныхъ боговъ и на алтари нечестивые, вѣрую въ истиннаго Бога и приюдиняюсь къ церкви христіанской“. Мяхиха, братья и всѣ до-

машіе (отца не было дома) съ другими сродниками и ближними слезно просили ее отстать отъ такого дѣла, не безчестить рода свсего и не предаваться самовольно на муки; но она и слушать ихъ не хотѣла. Воротившійся отецъ сначала билъ ее безъ пощады, потомъ умолялъ со слезами; наконецъ, видя непреклонность ея и предупреждая огласку, самъ извѣстилъ обо всемъ Мавиптиса, начальника маговъ. Созваны были маги къ храму огня судить отступницу отъ вѣры предковъ; собралось туда и множество народа, въ томъ числѣ и христіане. Мавиптисъ спросилъ: „для чего ты отвергла отечественныхъ боговъ и преданія, а другую вѣру приняла?“ Сира: „каждый здравомыслящій человекъ не подобится безсловеснымъ животнымъ, безъ разсужденія идущимъ вслѣдъ за родившими ихъ, но идетъ путемъ, какой находитъ лучшимъ, и не слѣдуетъ къ гибели за своими заблуждавшими предками; и я, видя христіанскую вѣру лучшею нечестія, отвергла худшее и избрала лучшее“. Мавиптисъ: „дѣвица, многимъ мукамъ предана будешь, если не послушаешь насъ“. Сира же, положила руку на шею, сказала: „отруби ее, имѣешь власть, только и говорю тебѣ“. На дальнѣйшія слова судьи она ничего не отвѣчала, но читала про себя псалмы, для маговъ невразумительныя. И сказалъ одинъ изъ маговъ: „это она вторитъ какое-то христіанское ученіе“. Тогда Мавиптисъ велѣлъ позвать епископа для удостовѣренія, христіанскія ли какія мысли высказываетъ дѣвица? Будучи спрошенъ о произнесенныхъ дѣвицею словахъ, епископъ подтвердилъ, что это дѣйствительно слова христіанскія. Тогда Мавиптисъ велѣлъ бить ее по устамъ и грозилъ лютыми муками, но не желая доносить царю о такомъ происшествіи въ домъ и родъ знаменитаго мага, поручилъ отцу беречь ее въ домъ своемъ и стараться больше ласками, чѣмъ угрозами, о возвращеніи ея къ вѣрѣ предковъ. Случилось прійти въ Селевкию нѣкоему знатному персидскому сановнику, и отецъ снова жаловался на укорство дочери своей и на ненависть христіанъ, будто они злоумышляютъ противъ него и хотятъ его побить камнями. Сановникъ послалъ нарочитыхъ мужей спросить дѣвицу, для чего она оставила отеческую вѣру, и ласковыми словами отвратить ее отъ христіанства. И такъ какъ она послан-

нымъ отвѣтила, что готова страдать и умереть за имя Христово, то была отведена въ общенародную темницу и содержалась въ оковахъ безъ хлѣба и безъ воды три дня. А когда и послѣ сего пребыла твердою въ своемъ исповѣданіи, была брошена въ нѣкую яму, глубокую и смрадную, и тамъ провела пятнадцать дней; наконецъ снова возвращена въ общую тюрьму и христіанамъ не возбраняли посѣщать ее.

Когда наступалъ праздникъ въ честь всѣхъ персидскихъ мучениковъ и предстояло богослуженіе въ одномъ изъ молитвенныхъ домовъ (ἐν τῷ τῶν εὐχτηρῶν οἴκῳ) внѣ города, то пожелала и св. Сира выйти туда ночью на всенощное бдѣніе, и нѣкоторые изъ вѣрныхъ подарками стражѣ доставили ей къ тому возможность. Итакъ, переѣнявши одежду, она присутствовала при богослуженіи. „Въ другую-же опять ночь, за поруками и за деньги отпущенная изъ тюрьмы, она пошла къ епископу и приняла отъ него крещеніе въ церкви, которая въ городѣ“ — говорится въ Четъ-Миней на основаніи позднѣйшихъ извѣстій, потому что въ греческомъ памятникѣ, писанномъ когда еще живы были участники этого дѣла, читася слѣдующее. „А какимъ образомъ и при чьемъ участіи совершенно надъ нею таинство крещенія, полезнымъ считаю умолчать по причинѣ настоящаго положенія вещей; только замѣчу здѣсь, что по письменному дозволенію епископа, еще находясь въ узахъ, она получила крещеніе въ святѣйшей церкви того города“.

Въ это время ожидалось посольство отъ римскаго императора къ персидскому двору, и маги, опасаясь, чтобъ римскій посоль не принялъ участія въ Сирѣ и не испросилъ ей у царя свободы, рѣшили скорѣе отправить ее на судъ къ царю, находившемуся тогда въ мидійскомъ городѣ Алвакѣ (Ἀλβακῶν — нын. Алибокѣ, въ Мазандеранѣ). И послали ее туда, наложивши на ея шею печать ¹⁾, по господствующему у нихъ обычаю, чтобы войны не

¹⁾ Подобное клейменіе преступниковъ было въ обычаѣ, крожѣ персовъ, и у грековъ и у римлянъ,—и у новыхъ европейскихъ народовъ даже до очень недавняго времени. А такъ какъ все-таки находились искусники вытравлять клейма, то послѣднія чрезъ нѣсколько времени подновлялись, какъ далѣе увидимъ это и на Сирѣ.

представили иное лице или не сказали, что на пути умерла, потому что изгладить такую печать не отрѣзавши головы нельзя было. Въ Алвакѣ Сира передана была начальнику той области, который послѣ напрасныхъ убѣжденій велѣлъ снять съ ней обычную благороднымъ женщинамъ одежду, облечь въ грязное рубище и отдать подъ стражу евреямъ. А евреи, взявши ее скованную, затворили въ темной хранилѣ и на пропитаніе давали ячменнаго хлѣба въ такомъ количествѣ, чтобы она только не умерла съ голоду, укоряя при томъ и понося ее и вѣру ея. Черезъ одиннадцать дней она представлена была на судъ начальнику маговъ, который, слыша отъ ней твердое исповѣданіе вѣры христіанской и опроверженіе персидскаго вѣроученія, рѣшилъ снова отдать ее подъ стражу евреямъ и недопускать въ ней никого изъ христіанъ. А предъ возвращеніемъ ея въ тюрьму, персы, обнаживши мечъ предъ нею, поклялись убить ее, если не послѣдуетъ убѣжденіяма начальника маговъ. Черезъ три дня главный сановникъ надъ тюрьмами перевелъ Сиру изъ еврейской тюрьмы въ другую, — и это сдѣлалъ для своего прибытка, потому что христіане платили большія деньги за позволеніе посѣщать узницу.

Тѣмъ временемъ царь захотѣлъ перейти въ другой городъ, Ресанкусадонъ; съ нимъ пошли вельможи и начальникъ маговъ. Въ слѣдъ за ними ведена была туда и Сира съ другими узниками. И когда случилась остановка въ Карсѣ великомъ, начальникъ маговъ и другіе сановники еще разъ потребовали ее на судъ, и когда она пребыла мужественною въ своемъ исповѣданіи, рѣшили, что она „повинна смерти, потому что и боговъ хулитъ, и царя уничтожаетъ, и властямъ ругается“, и велѣли снова наложить на ея шею клеймо, въ предупрежденіе замѣны другимъ лицомъ. Впрочемъ казнь была отложена на нѣкоторое время и назначена въ другомъ мѣстѣ, изъ опасенія смуты отъ христіанъ. Итакъ, отданная подъ стражу начальнику пѣхоты, приведена въ слѣдъ за царемъ въ область Бетармайскую и тутъ умерщвлена слѣдующимъ образомъ. Когда привели ее на мѣсто казни и накинули петлю на шею, то не сразу задушили, а затянувши петлю таеъ, что мученица уже едва могла дышать, ослабили ее и объявили, что она

будеть пощажена, если откажется отъ христіанской вѣры. Но святая отвѣтила: исполняйте повелѣнное вамъ, не нарушайте законовъ своихъ. И затѣмъ вторично, стянувши петлю и ослабивши ее, предложили Сирѣ отречься отъ Христа, но получили тотъ-же отвѣтъ. Послѣ сего окончательно стянули петлю, и такимъ образомъ мученица скончала свое земное поприще въ 28 день мѣсяца перитія (Февраля) 870 года по сирскому счету (т. е. 558 по нашему). Тѣло ея взято вѣрными и похоронено съ честью въ нѣкоемъ сокровенномъ мѣстѣ (См. Acta ss. 18 мая).

Къ концу шестаго вѣка жила другая исповѣдница христіанской вѣры, св. Голиндуха, о которой говоритъ историкъ Евagriй (Ист. VI, 20): „Во времена Хозроя младшаго пребывала въ нашей странѣ Голиндуха, живая мученица. Испытавши тяжкія муки отъ маговъ персидскихъ, она претерпѣла продолжительныя и сильныя страданія и совершила многія чудеса. Жизнь ея описалъ Стефанъ, епископъ іеранольскій“. Но такъ какъ самое твореніе Стефана не дошло до насъ, то приходится довольствоваться свѣдѣніями, находящимися о ней въ исторіи Теофлакта Симокатты, по суду издателей Acta Sanctorum (Julii, tom. 3, pag. 511) наиболѣе достоверными.

«Говорятъ, что въ то время, какъ Хозрой возвратился на царство (т. е. послѣ изгнанія, а это случилось въ 593 году), жила въ Іеранолѣ женщина, по имени Голиндуха. Родилась она въ Вавилоніи въ семьѣ маговъ. Отецъ ея, изъ знатныхъ, завѣдывалъ сборомъ податей въ Персіи. Достигши возраста, она выдана была за вельможу. Нѣкогда, сидя съ мужемъ за обѣдомъ, она вдругъ лишилась чувствъ и осталась неподвижною. Когда она пришла въ себя, то видѣвши эту случайность, если только можно назвать случаемъ это неземное восхищеніе, спрашивали Голиндуху: что съ нею? Она отвѣчала, что гдѣ-то подъ землею устроены страшныя муки, напротивъ великія блага ожидаютъ чтущихъ Бога Вышняго, котораго почитаютъ христіане и за то осмѣиваются персами. Тогда мужъ началъ смѣяться надъ нею, а уразумѣвши затѣмъ ея неизмѣнное намѣреніе принять христіанство, сталъ отводить ее отъ сего намѣренія бичеваніями, угрожая и смертію, которою персы, по обычаю предковъ, казнятъ отступниковъ отъ ученія маговъ. Но она, укрѣпляясь любовію къ Богу, заключила слухъ свой для его внушеній, и онъ говорилъ на вѣтеръ. Было ей и другое божественное откровеніе: ибо явившійся въ сонномъ видѣніи ап-

гель, показавши прежде видѣнное, предсказалъ и близкую кончину мужа ея. Предсказаніе исполнилось, и Голиндуха, оставивши Вавилонію, пришла въ Низибъ, гдѣ рассказала о себѣ христіанскимъ священникамъ и приняла святое крещеніе (съ именемъ Маріи).

Маги, узнавши объ этомъ, стали искать ее, пришли въ Низибъ и послѣ напрасныхъ усилій отвлечь отъ христіанства, заключили на долгое время въ тюрьму. Но съ помощію Божіею, при посредствѣ ангела Его, она освободилась изъ-подъ стражи и достигла римскихъ земель. Въ Іерусалимѣ помолвившись у гроба великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и облобызавши крестъ Его, пришла въ Іераполь ⁴⁾, предсказала многое, случившееся съ Хозроемъ, именно о Его бѣгствѣ къ римлянамъ и возвращеніи, и тутъ скончала свою святую жизнь» (см. Четьи-Мин. 12 іюля).

О Хозроѣ извѣстно, что обязанный возвращеніемъ на престолъ римскому императору Маврикію, онъ самъ лично вообще доброхотствовалъ христіанамъ и даже, въ противность господствовавшему персидскому обычаю, открыто объявилъ супругою своею христіанку Ирину, гречанку, молился святому мученику Сергію о потомствѣ отъ нея и еще раньше, во исполненіе обѣта даннаго въ изгнаніи, послалъ богатые дары и письменную на греческомъ языкѣ благодарность за возвращеніе свое на престолъ въ храмъ этого святаго, что въ укрѣпленномъ (при Юстиніанѣ) монастырѣ возникшаго близъ него города Сергіополя (*Прокон.* О войнѣ перс. II, 5), не вдали отъ Евфрата, въ римскихъ владѣніяхъ (см. *Евагрія*, Ист. VI, 17—21). Съ 602 года началъ онъ съ римскою имперіею войну, продолжавшуюся двадцать пять лѣтъ. Началъ онъ войну изъ мести за Маврикія, но продолжалъ ее затѣмъ единственно изъ желанія ослабить и разорить имперію. Въ продолженіе этой войны религиозное сочувствіе его склонялось впрочемъ больше на сторону православныхъ, если судить по случаю въ г. Едессѣ, гдѣ (см. *Assemani, Biblioth. Or.* III, 1, pag. 411) онъ, по совѣту врача своего Стефана, приказалъ всѣмъ несторіанамъ подчиниться православному епископу (612 года) и по смерти несторіанскаго католика Григорія, около сего-же времени, силою отобралъ его имущество и не позволялъ избирать ему преемника до самой смерти

⁴⁾ Т. е. сирскій Іераполь (нынѣ Бамбикъ), въ ста пятидесяти верстахъ отъ Антиохіи и верстахъ въ двадцати отъ рѣки Евфрата.

своей. Самое плѣненіе креста Господня и пребываніе его въ Персіи послужило къ славѣ имени христіанскаго и распространенію святой вѣры между персами (см. объ Анастасіи персянинѣ въ Четь-Мин. 22 янв.). Но въ 625 году, когда перевѣсъ военнаго счастья чувствительно склонился въ пользу римскаго императора Ираклія, Хозрой въ порывѣ раздраженія ограбилъ все христіанскія церкви въ своемъ государствѣ и принуждалъ православныхъ къ переходу въ несторіанство. Извѣстно, что скоро послѣ сего (именно въ началѣ 628 г.) Хозрой убитъ однимъ изъ сыновей своихъ и императоръ Ираклій заключилъ съ Персією очень выгодный миръ. Было ли при этомъ выговорено что въ пользу персидскихъ христіанъ вообще и православныхъ въ частности, не упоминается у историковъ того времени, но слѣдуетъ думать, что христіанскій императоръ не оставилъ ихъ безъ своего покровительственнаго ходатайства.

Послѣ сего въ историческихъ памятникахъ о православной церкви въ Персіи настаетъ перерывъ до времени мусульманскаго халифа Альмансора, 754 года, о которомъ говорится, что по интригамъ своего врача, несторіанина, онъ велѣлъ бросить въ тюрьму несторіанскаго католикоса *Іакова 2-го*, *Теодорита* мелхитскаго и *Георгія* яковитскаго, изъ которой они освободились только по смерти Альмансора, значить — въ 758 году (см. списокъ католикосовъ въ *Oriens Christ.* II, pag. 1132). Теодоритъ былъ католикосомъ православныхъ христіанъ Персіи, называвшихся обыкновенно (отъ несторіанъ и яковитовъ) мелхитами за единовѣріе ихъ съ римскими императорами (отъ слова *melech* — царь).

Что еще въ IX вѣкѣ привязанность или сочувствіе къ православной христіанской вѣрѣ между племенами, населявшими страны нын. Персіи, были сильны, показываетъ приѣздъ тѣхъ тридцати ¹⁾ тысячъ персовъ, которые въ царствованіе императора Теофила (829—842) переселились въ имперію и водворены были первоначально близъ Синопа и Анастриды. Во главѣ ихъ стоялъ нѣкто

¹⁾ Численность ихъ въ тридцать тысячъ полагаютъ неизвѣстный продолжатель *Константина Вагранородоваго* и *Генезій*; *Левъ Грамматикъ* — въ 14,000, а *Зонара* въ 13,000. Первое число вѣроятнѣе, по соображенію *Тафеля* (въ соч. *De Thezsalonica ejusque agro* Berolini, 1839, pag. 73).

Феофовъ (коего персидское имя неизвѣстно), потомокъ древнихъ персидскихъ царей, женатый на сестрѣ императора. Послѣ несчастнаго для грековъ сраженія съ магометанами при г. Аморѣ 838 года, эти персы, негодуя на малолушіе императора, вмѣстѣ съ частію греческаго войска, провозгласили императоромъ своего князя, т. е. Феофова. Феофовъ отвергнулъ корону и успокоилъ недовольныхъ. Императоръ же, опасаясь за будущее, рѣшилъ переселить персовъ въ Европу, именно въ Фессалію и Епиръ.

О несторіанскомъ католикосѣ Авдонѣ († 891), жившемъ въ Багдадѣ, извѣстно, что онъ имѣлъ свое мѣстопробываніе въ монастырѣ греческомъ, купленномъ у православныхъ, а католикосъ Іоаннъ 3-й (893—899) обновилъ и распространялъ этотъ монастырь, скупивши сосѣднія зданія у православныхъ (*emptis vicinis aedibus quibusdam a Melchitis—Oriens Christ. II. 1133*). Во время католикоса Авраама (905—936) несторіанскій митрополитъ бетармійскій, Феодоръ, перешолъ въ православную церковь (*ad Melchitas transiit*), а православнымъ католикосомъ былъ тогда нѣкто Іоаннъ. Авраамъ употребилъ стараніе и испросилъ у калифа грамоту, не только запрещающую Іоанну именоваться католикосомъ, но и жить въ Багдадѣ. Позволено было только назначать епископа для временнаго посѣщенія и назначенія грековъ и мелхитовъ въ Багдадѣ, послѣ чего онъ долженъ былъ тотчасъ и удалиться отсюда. Православный антиохійскій патріархъ Ілія (904—931) былъ нарочно вызываемъ по этому дѣлу въ Багдадъ и далъ подписку къ неизмѣнному наблюденію такого правительственнаго распоряженія. Само собою разумѣется, что этимъ распоряженіемъ православные поставлены въ нѣкоторую вѣднѣшнюю зависимость отъ католикоса несторіанскаго, сдѣлавшагося главнымъ представителемъ христіанъ у престола калифовъ (см. *Oriens Chr. II, 1089*). Такъ это видимъ и изъ грамоты калифа Каіема несторіанскому католикосу Абдіезу 3-му, занимавшему катѣдру съ 23 ноября 1075 по генварь 1090 года (*Or. Chr. II, 1143*). Любопытная во многихъ отношеніяхъ грамота гласитъ слѣдующее:

«Настоящая грамота изготовлена по повелѣнію нашего государя, повелителя вѣрующихъ, для католикоса и патріарха Абд-Іошуа.

«Когда повелителю вѣрующихъ донесено было, какъ ты вообще ведешь себя и что между своими единовѣрцами отличаешься примѣрною жизнію, образомъ мыслей и поступками наиболѣе соответствующимъ требованіямъ чести, и въ совершенствѣ обладаешь свойствами, за которыя они единогласно признають, что ты одинъ только соединяешь въ себѣ и высшія условія для занятія обычнаго у нихъ сана католикоса, и несомнѣнно украшаешься потребными для того внутренними достоинствами; и многіе христіане, къ которымъ рѣшено было обратиться за свѣденіями объ образѣ жизни подобныхъ тебѣ и собраніемъ добросовѣстныхъ справокъ о твоёмъ противникѣ (*Gegenkandidat*) и состоящемъ въ томъ-же званіи, явились предъ судилищемъ и изъяснили, что они старательно вывѣдывали мнѣніе различныхъ (христіанскихъ) единовѣрцевъ, и люди всѣхъ классовъ (бульварно: выдающіеся и незамѣтные между ними) говорятъ о необходимости имѣть католикоса, который бы взялъ въ свое высшее завѣдываніе дѣла ихъ и заботился о пользахъ общества ихъ, причѣмъ всѣ, съ полнымъ согласіемъ во взглядахъ, чувствахъ и желаніяхъ, подали за тебя свои голоса, чтобы ты занялъ мѣсто первенствующаго лица ихъ вѣры, принявъ на себя заботу объ ихъ важныхъ дѣлахъ, руководство ихъ учрежденіями и правомѣрное посредничество въ миротворствѣ сильныхъ и слабыхъ; и затѣмъ далѣе просили они, чтобы ты былъ поставленъ надъ ними чрезъ изданіе утвердительнаго опредѣленія (указа): то указано сдѣлать соответственное ихъ просьбѣ распоряженіе и относительно молебъ ихъ распростереть надъ ними крылья дозволенія. И вотъ исходитъ отъ главы ислама — да будутъ всѣ его постановленія подъ небеснымъ покровительствомъ! — изданный высочайшій приказъ (*Bestätigungsdecret*) съ объявленіемъ, что ты поставленъ католикосомъ несторіанскихъ христіанъ въ богоспасаемомъ городѣ (Багдадѣ), а равно и всѣхъ другихъ, живущихъ на земляхъ ислама, и верховнымъ представителемъ (*Vertreter*) ихъ, а равно, и кромѣ ихъ, живущихъ на всемъ пространствѣ имперіи грековъ, яковитовъ и мелхитовъ и всякаго лица сихъ сектъ, осѣдлаго и неосѣдлаго, и ты одинъ только изъ равныхъ тебѣ по званію уполномоченъ къ возложенію на себя обычнаго въ вашихъ молитвенныхъ домахъ, усвоеннаго католикосу облаченія, — такъ, что этого права ты не раздѣляешь ни съ кѣмъ другимъ, и никакому митрополиту, епископу или дякопу не дозволено употребленіе сихъ отличій (*Insignien*), чтобы они тебѣ подчинялись и стояли ниже исключительно тебѣ предоставленнаго почетнаго сана. А если кто изъ только что поименованныхъ вступитъ съ тобою въ борьбу словомъ и распріею, откажется отъ покорности тебѣ, не станетъ подчиняться твоимъ рѣшеніямъ и вмѣсто мира съ тобою начнетъ ссору, то воздаяніе пойдетъ въ слѣдъ его и его неминуемо постигнетъ наказаніе за противленіе, чтобы и самъ онъ отсталъ отъ своей превратности и своего упорства, и подоб-

ные ему боялись такихъ поступковъ, и исходящія отъ тебя распоряженія не подвергались разоренію или извращенію»... (Вполнѣ эта грамота напечатана въ *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*, Leipzig, 1853. Heft 2).

А что еще во второй половинѣ XI вѣка православная паства въ персидскихъ земляхъ, именно въ юго-западной и сѣверо-восточной Персіи, была не малочисленна, по крайней мѣрѣ безъ особенной натяжки могла быть сравниваема по людности съ паствою патріархата ¹⁾ аквилейскаго, видимъ изъ словъ Петра, патріарха антиохійскаго, въ письмѣ къ Доминику аквилейскому. Какъ видится, Петръ антиохійскій, съ удивленіемъ встрѣтившій титулъ дотолѣ (письмо отъ 1053 г.) неслыханнаго имъ патріарха аквилейскаго, по зависимости сего патріарха отъ римской кѣедрѣ готовъ-бы былъ приравнять его къ извѣстнымъ ему католикосамъ, но замѣчаетъ, что католикосы никогда не усвоили себѣ патріаршаго титула. „Подумай, насколько обширнѣ твоей области Болгарія; насколько опять обширнѣ Вавилонъ великій и Роматирисъ или Хоросанъ и прочія епархіи остальнаго востока, куда посылаются отъ насъ архіепископы и католикосы, рукополагающіе въ тѣхъ странахъ митрополитовъ, имѣющихъ подъ собою многихъ епископовъ, но ни одинъ изъ нихъ никогда не назывался патріархомъ“. Подъ „прочими епархіями остальнаго востока, куда посылаются архіепископы и католикосы“, по всей вѣроятности нужно разумѣть автокефальныя архіепископіи Кипра и Грузіи; архіепископъ послѣдней именовался католикосомъ. А выраженіе „отъ насъ посылаются“ относительно ихъ употреблено въ смыслѣ „отъ насъ, православныхъ, назначаются или избираются“, — хотя относительно Вавилона великаго (т. е. Багдада) и Хорасана нужно принимать его въ буквальный смыслъ, то есть, что туда назначаются архіепископы и католикосы отъ кѣедрѣ антиохійской. По крайней мѣрѣ не противно такъ думать, согласуясь съ дошедшими до насъ историческими памятниками о тогдашнемъ іерархическомъ состояніи въ православной церкви. Здѣсь въ первый разъ встрѣ-

¹⁾ Тогда сей патріархатъ обнималъ всего пять еписк. кѣедрѣ, и вообще численность паствы его не могла превосходить двухъ сотъ тысячъ душъ.

чаемъ извѣстіе о греческомъ католикосѣ въ Хорасанѣ, но оно подтверждается или повторяется и другимъ писателемъ, спустя менѣе сотни лѣтъ послѣ Петра антиохійскаго. Именно, архимандритъ Ниль Доксопатрій въ сочиненіи ¹⁾ „О пяти патріаршихъ престолахъ“ говоритъ: „Антиохійскій патріархъ завѣдывалъ (κατεῖχεν) всюю Азією и востокомъ и самую Индію, куда и донинѣ посвящаетъ и назначаетъ католикоса, называемаго Ромогирскимъ (τὸν χαλοῦμενον Ρωμογύρεως), и Персією и Вавилономъ, который теперь именуется Багдадъ, потому что и туда антиохійскій патріархъ посылалъ католикоса, въ Иринополь ²⁾, называвшагося иринопольскимъ, и Армению, Абхазією, Иверією, Мидією и Халдеею, Парсією, Фламитами и Месопотамією“. Затѣмъ, перечисливши дѣйствительно тогда бывшія епархіи ³⁾ антиохійскаго округа, добавилъ, что это — кромя Вавилона, Индіи и Персіи. Для насъ важно собственно извѣстіе, что хотя католикоса въ Багдадъ не назначалось, но былъ еще таковой въ Ромогирѣ или Хорасанѣ. О Ромогирѣ встрѣчаемъ извѣстіе еще во второй половинѣ XIV в., какъ имѣвшей своего католикоса. Въ грамотѣ архіереевъ антиохійскаго патріархата къ патріарху константинопольскому 1365-го года находимъ во главѣ подпись Германа, католикоса Ромегирскаго и экзарха всей Иверіи (Acta Part. 1, 463—465). Подъ Хорасаномъ нужно разумѣть ту же страну, которая такъ и доселѣ называется, а въ ней пять знатнѣйшихъ городовъ: Мервъ, Балхъ, Гери (Герать), Нишапуръ и Мешхедъ. Тутъ, значить, существовали еще въ XII вѣкѣ по крайней мѣрѣ торговцы и жители православной вѣры въ такомъ числѣ, что для завѣдыванія церковными ихъ дѣлами посылался изъ Антиохіи ка-

¹⁾ Писанномъ 1143 года для Рожера, короля сицилійскаго. Помѣщено въ сборникѣ *Stephani Le Moine, Varia sacra seu sylloge variorum opusculorum graecorum, ad rem ecclesiasticam spectantium. Tomus primus (ed. secunda, Lugduni Batavorum, 1694).*

²⁾ Багдадъ есть древнее имя мѣстности, которое и осталось за нею до нашего времени; но халифъ Альмансоръ, основатель новой столицы въ 762 г., наименовалъ ее *Medinat al salam*, т. е. *городомъ мира*, что и соблюдалось въ официальныхъ бумагахъ. Отсюда греч. *Εἰρηνοπόλις*.

³⁾ Тринадцать метрополій съ подчиненными епископіями, восемь безъ послѣднихъ, восемь архіепископій большихъ и пять малолудныхъ (λίτάς).

толикось. Число это, впрочемъ, могло быть и не очень значительнымъ, такъ какъ извѣстно, что на востокъ назначаютъ епископовъ и въ такія мѣстности, людность коихъ не превосходитъ двухсотъ семействъ.

Во всякомъ случаѣ извѣстіе Нила Доксопатрія составляетъ послѣдній несомнѣнный историческій памятникъ о существованіи православной іерархіи въ древней Персіи и непрерывавшемся преемствѣ зависимости ея отъ патріарховъ антиохійскихъ. Политическіе и общественные перевороты, постигшіе среднюю Азію въ XII—XIV вѣкахъ, отозвались на тамошнихъ христіанахъ значительнымъ умаленіемъ ихъ отъ мусульманскаго фанатизма; даже пользовавшіеся нѣкоторымъ покровительствомъ несторіанскіе и яковитскіе христіане не только лишились его, но подвергались и кровавымъ преслѣдованіямъ. Можно предполагать, что сохранявшіяся до того православныя общины, мало по малу ослабѣвая въ численности и самомъ православіи, слились наконецъ съ яковитами и несторіанами.

Архимандритъ Арсеній.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки